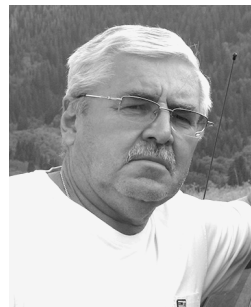

Николай Зайцев

АДАМОВ МОСТ

Сами боги не могут
бывшее сделать не бывшим.
Древнегреческая поговорка

Бывший прораб Главмостостроя, Адам Сынебожьев, проснулся в своей комнате на личной даче в самом унылом настроении. Пройдясь по комнатам обоих этажей дома, он заметил следы наметившегося одиночества в этом пространстве своего обитания. Разворошённые вещи в открытых настежь шкафах рассказывали ему о некоторых событиях, происшедших здесь во время его утреннего сна. «Она всё-таки ушла, – подумал он. – Самое время, – подсказал ему дневной свет окон. – Всегда легче добраться до города засветло». Туда уехала его жена, она собиралась давно это сделать и теперь вот, видимо, решила и исчезла так, чтобы он этого не заметил. Но он знал о её будущем поступке давно, может быть, изначально, с первого дня их совместной жизни. «Мы ведь всегда будем вместе?» – спросила она после первой ночи, проведённой вдвоём на этой же, тогда ещё недостроенной даче. Когда женщина задаёт такие вопросы в начале объединения, замужества, она уже что-то знает о предстоящей разлуке, и дело только во времени, которое должно пройти, чтобы созрел ответ, противоположный желанию, высказанному в вопросе. Ответы мужчины на все женские вопросы не важны и не нужны, они задаются себе, и только сама женщина способна ответить на них. Мужчина, конечно, подразумевается, как невольный свидетель вопрошаемых слов, но когда его освободить от оправданий по этому поводу – решает женщина. От времени того сокровенного вопроса, прозвучавшего из уст милой красавицы, разметавшей по подушке белокурые волосы, с лёгким движением тени сомнения, проглянувшего из-под улыбки на её лице, прошло много лет – выстроилась обширная, благоустроенная дача, родились дети и разъехались строить города своей жизни, светлые волосы любимой обратились в пепел, а нечаянная выпивка по случаю стала чуть не каждодневным занятием уже немолодого человека. Когда всему этому удалось свершиться – Бог весть. Но всё это стало реальностью нынешней жизни, и комнатами дома и разбросанными по полу вещами напоминало о сроках постройки и времени той или иной покупки, но никак не о самой жизни, а лишь о каком-то

начале счастья, оставшемся в названии чего-то так и не сбывшегося, а может быть, и свершившегося, но незамеченного в угоду всё тому же вопросу о длительности срока попытки соединения душ. Эти души так никогда и не объединились, страстная влюблённость пыталась породнить эгоизм разномыслия, но не удалось найти общее понимание радостного содрогания тел, и это отсутствие внимания к увлечению друг другом превратилось во взаимную обязанность и, на краткий миг (долгую жизнь), верой в благополучность своих отношений.

Адам возводил мосты, умел реализовать это дело с размахом творческого вдохновения, и каждое новое строительство становилось замечательным событием его жизни. Он думал о мостах не иначе как о Господнем промысле – Вышней любви к живущим на Земле, в желании объединения берегов рек, сторон света, людей. Со знанием дела он вносил изменения в проекты будущих сооружений, и лёгкие конструкции становились воздушными, громоздкие и тяжёлые притягивали взгляд загадочной таинственностью перехода в неизвестное сказочное пространство, где, должно быть, и живут родные вам души и верят в скорую встречу. Он умел доказывать преимущество изменений проекта, ему верили, брали в соавторство, от чего и рождались постройки, парящие над водной гладью, приглашающие людей совершить путешествие на «ту сторону», которая, может быть, только и ждёт твоего появления, чтобы подарить объятия ещё незнакомых тебе людей. Сынебожьев никогда не сомневался в необходимости своего участия в проектировании и строительстве мостов и кипел от негодования, когда видел нерадивое отношение к созданию проекта и воплощению замысла. В работе он слыл педантом, занудой, но всегда добивался изменения некоторых решений в пользу необычной красоты сооружения, чем не мог похвастать в других житейских делах. От начала и до самого окончания строительства он исчезал из своей жизни, с головой погружался в омут созидательного вдохновения, бывал счастлив от удачного исполнения замыслов, никому их не доверял и хранил тайну до самого разрешения от волнительного бремени, а потом, разродившись, печалился, отдавая в руки эксплуататоров моста своё последнее, самое лучшее и красивое дитя. Позже случались здравицы строителям нового моста, премии и шумные застолья, долгие тосты, а после неторопливая беседа.

Но всё это осталось в прошлом. Неожиданно и без всяких оснований за вершилась целая эпоха, оборвалась пуповина, соединяющая народы с центром земного притяжения во времени долгих лет жизни, и многие поколения людей, потеряв единственную общую цель и не находя ничего более достойного взамен, умирали, уезжали, толпились на рынках, в пивных – растерянные, нищие, злые. Адам начал новую жизнь в другой стране, уже не с общей независимостью, а своей – суверенной. Страну с ходу приручили знакомые люди, сразу давшие понять всем сомневающимся в их праве на первородство, что они никогда не имели близких отношений с прошлым, и никто не должен питать иллюзий, что такое может произойти в будущем. Будущее виделось призрачным и ненастоящим. В этом была повинна перестройка, задуманная далеко за кордоном, и, как все чуждые, нездешние мысли, обратилась великим злом – развалом страны и появлением управителей, получивших огромные куски земли в подарок из рук имущих власть в глобальном мире.

В другом государстве с новым, до боли знакомым названием Адам остался доживать свою жизнь, хотя самоназвание страны определяло ему и его соплемен-

никам лишь вторые роли в жизни общественных и государственных институтов, если таковая будет иметь право на существование. Начались склоки, раздоры, поминание прошлых обид. Большому народу становилось неуютно на огромной территории молодой суверенной республики – антисоветизм плавно перерос в русофобию на радость национальным меньшинствам, потерявшим все выгоды любви к большому брату и теперь восплавленным чувством преданности к титульной нации государства в поисках всё той же выгоды, но не в труде на благо страны, а в своём извечном холуйстве перед властью имущими, выискивая и находя чужие просчёты и свои ранее безвестные заслуги перед народом, ставшим хозяином страны. Все сразу и вдруг стали потерпевшими от деяний советской власти, избитыми и униженными и потому достойными лучшей участи – богатой и сытой – в этой новой жизни, кроме народа более многочисленного и заметного, испытавшего и вынесшего на себе все тяготы прошлой жизни, но не обозлившегося на тех, кто воплотил в жизнь революцию и учредил чуждую народу власть в огромной стране, и готового вновь созидать себя и страну с новым, но уже давно ставшим родным названием и местом на Земле. Но коренное население, получившее в наследие свою многострадальную землю, не пошло на поводу у захребетников и смутьянов, а объединило могучую силу своих плеч с не менее сильными руками народа, составляющего половинную часть нового государства, для построения будущего благосостояния страны. Они, эти два народа, вместе пережили страшные годы большевистского террора, славно жили до прихода комиссаров, имели одну – единую, важную для всего мира Великую Победу и не захотели становиться врагами на потребу местных злопыхателей и их заморских хозяев. Эта добрая память о совместной силе и мощи успокоила мятущееся сознание населения государства, внезапно ставшего самостоятельным, и направило его деятельность на созидание. На создание чего-то ещё незнакомого, но родного, своего. И, как всегда при сотворении мира, наступил хаос. Адам, в этом состоянии мира – начала великого действия, оказался в болезненно-аморфной прострации, потерялся в непривычном времени разбоя свободы и в ожидании наступления привычного для себя работного плена – запил. Нет, не так уж, чтобы до видения чертей, но основательно запивая алкоголем каждую свою неосторожную мысль о неправильности перемен наступающих и уже ставших очевидными. Мыслей было много, и потому приходилось испытывать тяжкое похмелье после их уничтожения. Безработица создавала благоприятные условия как для мысленных упражнений, так и для успокоения оных. Благо, что рядом находилась жена и своей строгой заботой о нём не позволяла этому хорошо организованному процессу обратиться безумием. Дети разлетелись по свету, появлялись редко – им приглянулась новая жизнь – говорили на незнакомом, хотя и родном языке, но помогали материально, чем в общем-то спасли жизнь Адама и нажитое в ней ранее добро от полного исчезновения. Вот так просто всё оказалось в жизни. Любимая, суженая при некотором узнавании обратилась обыкновенной женщиной, дом – квартирой, временно снятой у государства. И государство, казавшееся вечным, тоже пало, развалилось, и что осталось? Необходимость построить мост от квартиры – к дому, от женщины – к любимой и объединить людей с родной всем страной.

Телефонный звонок раздался в тоскливой атмосфере утреннего похмелья, когда Адам колдовал над налитым (из последних запасов) стаканом водки, соображая,

каким способом можно влить содержимое в себя, чтобы потом не выплеснуть обратно. Голос в трубке звучал просто замечательно. Густой баритон наполнил пространство ушных раковин, потом головы и, вытеснив из неё пары алкоголя, заполнил всю комнату своим уверенным звучанием. Это был необыкновенный голос, может быть, звук нового времени, уже народившегося без присутствия в нём Адама, совершенно отличный от жалобных, дрожащих голосов сослуживцев и знакомых, звонящих, чтобы поделиться горестями и невзгодами своей жизни их желчной зависти и даже ненависти к удаче рядом живущих. Голос уверенный и ровный, тембром своей властности заставляющий приободриться, пожелав доброго утра, спросил, с кем имеет честь говорить. Адам назвал. Голос предложил ему прибыть сегодня же по данному, и записанному Сынебожьевым, адресу, чтобы разрешить интересующий обе стороны вопрос. Адам хотел возразить, что у него нет времени и денег тоже не осталось (стакан водки и тот последний), и тогда на том конце провода не стали ждать его долгих объяснений, спросили адрес, сказали, что вышлют за ним машину, и попросили приготовиться к прибытию транспорта. Адам не стал переосмысливать слова разговора. Не думая о последствиях, он махнул в рот водку из стакана и пошёл в ванную готовиться к встрече. Чисто вымытый, причесанный, выпил чаю и стал ждать появления машины. В цивильном костюме, немного потёртом, но по-советски строгом, тщательно выбритый и даже чуть-чуть надушенный остатками импортного лосьона, он подошёл к зеркалу и сразу узнал в глянувшем на него из прошлого человеке Адама Сынебожьева – строителя мостов, успешного в прошлом прораба. Он смотрел на себя через расстояние прошедшего времени тем же задумчивым взглядом романтика, и только расплывшаяся от висков седина – пигментация печали, таила догадку о невесёлом житье-бытье в период хаотичных преобразований в стране. Голос, заставивший вздрогнуть его начинающее увядать сознание, вернул к действительности разум, и даже не думая о будущих событиях, Адам понимал – это начало какой-то новой жизни.

Водитель присланного за ним автомобиля оказался высоким красивым парнем (такие и должны, наверное, жить в новом времени). Вежливо поздоровавшись, он открыл дверку, усадил пассажира и, сев за руль, включил торжественную, как показалось Адаму, музыку. Машина мягко тронулась, унося тело и душу бывшего прораба в расплывшиеся перед ним дали начинающегося дня. Автомобиль тоже был под стать мыслям, музыке и намерениям – изящным, с удобным сидением, тонированными стёклами, непроницаемыми для чёрного глаза, чтобы нельзя было оборвать это движение к началу хрупкого равновесия материи и духа, которое создал голос, призывающий на встречу с чем-то, что станет долгожданным избавлением от соблазна дальнейшего продвижения к сумасшествию. Машина, пропетляя по улицам города, где царил идеальный беспорядок нарождающегося капитализма, и старые дома, невзирая на свою обреченность, улыбались своими резными окнами и цветочными палисадами прямо навстречу зубастым бульдозерам, а лавки и лотки корабейников убого теснились вокруг величественных супермаркетов, где также спешил куда-то народ и шла жизнь, подзабытая Адамом в своём мрачном уединении, остановилась у старого здания, модернизированного материалами нового поколения и выглядевшего строго и немного сердито, но вполне респектабельно (как отметил про себя строитель), и они вошли в вестибюль, где охрана в виде статных хлопцев проводила прибывших с помощью лифта на

третий этаж. Пока водитель ходил в приёмную узнать о желаниях руководства, Адам осмотрелся и нашёл интерьер учреждения благополучным. Всё было сделано и обставлено со вкусом и надёжно. Уверенный тембр голоса из телефонной трубки вятно звучал в вестибюле и коридорах здания и создавал атмосферу долговечности вещей, стен и творящихся среди всего этого дел, которые, видимо, и были созидающей силой этого комфорта.

В кабинете, куда его пригласили, Адама встретил обладатель густого баритона пригласивший присесть и, удалив присутствовавших тут людей, подал руку:

– Мухаммед, Мухá, ну, как вам будет угодно. А вы, значит, Адам. Какживаете?

– Плохо, – откровенно признался строитель мостов.

– Да-да, слышал, знаю. Думаю, что мы сможем вам помочь, если вас удовлетворят наши условия. Мы предлагаем работу профессионально вам знакомую. У нашей фирмы есть загородный участок земли под строительство, но на пути к нему – река, что осложняет доставку строительных материалов. Но это пока. Мост нужен будет и тогда, когда строительство объекта закончится. Он должен хорошо вписаться в инфраструктуру города. Ничего временного. Сделайте так, чтобы он стал вашим лучшим творением.

– Но я никогда не проектировал мосты, – отреагировал Адам.

– Проект заказан и скоро будет готов. Ваша задача внести в него свои поправки и построить мост. Надеюсь, вы справитесь, – уверенность звучащего голоса передалась Адаму.

– Справлюсь. Этим я занимался всегда, – обрадовался своей смелости Адам.

– Вот и хорошо. Пойдёмте посмотреть ваш кабинет, – и хозяин пошёл к двери.

Комната, показавшаяся Адаму излишне светлой, была уже обставлена. На полу постлан мягкий ковёр, два шкапа, заполненные книгами, выступали от стен чистыми стеклянными витринами, у окна стоял стол с совершенно незнакомым Адаму прибором – компьютером.

– Покуда знакомьтесь. Потом зайдёте ко мне, выскажете свои замечания по интерьеру, и мы продолжим нашу беседу, – и он ушёл, этот будущий начальник, как решил Адам.

Первым делом он открыл створки шкапов и глянул на корешки книг. «Строительство дорог», «Архитектура и строительство», и вот то, что нужно – «Строительство мостов». «И здесь всё в порядке, – сказал он сам себе. – Крепкий хозяин попался». Подошёл к окну, за которым зеленел стриженный кустарник. Задёрнул жалюзи, и свет в комнате ослабел. Присел в кожаное кресло и первый раз за годы вынужденной безработицы почувствовал себя на своём месте. Подвинул к себе чистый лист бумаги, взял ручку и размашисто написал: «С Новым годом, Адам!» – удивился написанному, но оставил запись и пошёл договаривать условия своей службы.

– Нравится место работы? – спросил шеф.

– Да, вот только с компьютером я не знаком.

– Будете учиться. С завтрашнего дня вами и компьютером будет заниматься программист. Рабочий день начинается в половине девятого. Оклад пятьсот. Начнётся строительство – будет зарплата начальника участка. У меня остался один вопрос. Какому роду-племени принадлежите?

– Сынебожьев, – вдруг ответил Адам.

– Это подразумевает, что вы – русский, – догадался начальник.
– Русский, – подтвердил Адам.
– Это хорошо, – почему-то сказал Мухаммед и добавил: – Значит, не уедете, не бросите дело, ныть не будете.

– Почему? – не доверял словам и себе Адам.
– Русские, как и казахи – народ, а не диаспора, они собираются здесь жить, а не урвать своё и смыться, они желают работать для себя и страны и считают себя хозяевами на земле (потому что у них есть земля, много земли). Чем раздражают малые народы, у которых утеряны свои флаги и родина, и которые не уважают страну проживания – ищут работу полегче, добиваются льгот, мошенничают, хотят, чтобы их пожалели, чего-нибудь дали за это их сиротство. А мы давайте будем работать и этим трудом будем правы, что бы о нас ни говорили. Большое всегда заметно, и нам надобно стать ещё сильнее в стране, которую сами и выстроим. Можно, конечно, исказив историю, назваться потомком Чигисхана и даже Александра Великого и требовать почтения за героическое прошлое, но что это даст нашему народу и стране? Ровным счётом ничего, и потому нужно работать, – напутствовал Адама его работодатель. – До завтра, – он пожал ему руку. – Одна просьба – на службе без запаха. Там, – он махнул рукой за дверь, – получите подъемные, и водитель отвезёт вас домой.

За теми дверьми девушка, лучезарно улыбнувшись, списала на компьютер данные биографии Адама, занесла их куда следует и, открыв сейф, задала вопрос:

– В каких деньгах предпочитаете?
– В государственных, – проявил гражданскую мудрость получатель.

Легко, как в детской игре в магазин, где продавцы и покупатели используют в качестве платёжного средства листья деревьев, секретарь-референт – так называлась должность, выписанная на табличке, стоящей на столе, отсчитала двухтысячными купюрами сумму незаработанных Адамом денег и с той же улыбкой поздравила с началом действия трудового контракта, так она всё это происходящее здесь с Сынебожьевым назвала. С деньгами, приятно отяжелевшими карман брюк, и в сопровождении водителя Адам отбыл из офиса на дачу всё на той же красивой машине.

По дороге он не выдержал и выразил всю полноту чувств, затаившихся в нём после пребывания в кабинетах и приёмной фирмы:

– Цунами, торнадо, катаклизм какой-то – везут, дают деньги и ничего не спрашивают.

– Спросят. Хозяин наш человек добрый, но в работе – каторжник. Он вас долго вычислял. Мосты вы хорошие строить умели, – принял начало разговора водитель.

– Я и сейчас умею, – возмутился профнепригодностью к нынешним временам Адам.

– Вы только не обижайтесь, но шеф искал вас именно там – в прошлом. Нынешние материалы обеспечивают высокое качество строительства, но так чтобы на века поставить сооружение, нужен и строитель настоящий. Ведь судьба проекта зависит не от того, зачем его построят и сколько этот мост проживёт, а как воспримет его население, как назовут, может, и обзовут именем далёким от назначения, ласковым или страшным, но которое останется надолго, навсегда, и после разрушения найдутся люди, что будут печалиться об утраченном образе

былого видения. Восстановить можно, но как, если каждый замысел художника – воля Создателя. Чтобы в точности воссоздать архитектурные изыски прошлого времени, нужно быть вечным, а таковые покуда не находятся, – высказал свою заботу о вечности водитель. – Не удивляйтесь, я тоже строитель, но из рядовых – исполнитель, и потому выполняю обязанности шофёра.

На дачном повороте Адам попросил остановить машину у магазина. Вошёл, взгляд кинулся к винным полкам, но он решительно отмёл это предложение купил продуктов себе, ливерной колбасы собаке (всех хотелось порадовать), мелких рыбёшек кошке, коробку конфет и, подумав, захватил бутылку шампанского – надо же как-то отметить все эти чудеса, происшедшие с ним сегодня – и с такими мыслями сел в автомобиль.

– Это уже похоже на праздник, – заметил водитель.

– Взрослею, – серьёзно ответил Адам.

– Завтра в восемь я подъеду за вами к этому повороту. День предстоит напряжённый, и утренняя прогулка вам не повредит. До встречи, – такими словами закончился первый день новой жизни.

Из всего этого удивительного дня Адаму запомнились движения пальчиков девушки-референта (секретаршей даже называть её не хотелось) по клавишам компьютера, лучезарная улыбка, простенький наряд – кофточка и джинсы, лёгкость взмахнувшей руки, с которой она отдала деньги. Он в своей жизни, к счастью, ещё не прожитой, привык к серости очередей с окаменевшими в них людьми с неприветливыми лицами и злыми словами и рад был светлому проблеску жизни, ещё скрытой, но уже улыбнувшейся из-за быстро закрытой двери, оставив ему время для размышлений до завтрашнего утра. Оно должно было наступить, будущее светлое утро... и он вошёл в свой дом. Жена оказалась дома (тоже неожиданная удача, но почему?), подивилась его трезвости и наряду, приняла сумку с покупками, некоторое время выстояла в передней, сортируя свои разгулявшиеся догадки, и ушла в столовую. Адам, не раздеваясь, прошёл в большую комнату, где стояли кресла, круглый стол, царил полумрак от задвинутых толстых портьер на окнах, светился и что-то бормотал телевизор. Он уселся в кресло и сразу ослаб от нежелания раздумий о случившейся радости, и, как оказалось потом, задремал.

В ареале неожиданного сна разыгрались воспоминания. Он увидел своё появление на Божий свет, тыкался маленьким тельцем во все стороны белого света и не находил нужного тепла, и тогда закричал, в первый раз, пронзительно-звонко, но мир отозвался эхом огромной пустоты, что испугало и заставило притихнуть в ожидании, когда что-то происходящее вокруг коснётся и его. Ждать пришлось долго, яркое освещение слепило глаза, и он пыжился и кряхтел, стеснённый тугими пеленами первых в его жизни смиренных пут. Рядом сопело и орало невидимое ему братство только что народившихся людей, недовольных уже начинающейся неволей своих членов и доказывающих право на жизнь истошными криками, рвущимися из ещё ничем не занятых глоток. Не дождавшись никаких признаков внимания к своему появлению на свет, но уже утомлённый громким ором множества невольников своего младенчества, он пискнул и сразу же узнал свой голос в разнообразии звуков, наполняющих пространство бытия, определяющего быстро растущее сознание. Этим прозревающим каждую секунду чувством он определил холодное безразличие мира к потугам нового его пополнения получить определённую часть тепла, как компенсацию за трудности своего появ-

ления на свет Божий. Он не понимал, что трудности ещё только начинались, из всех сил пытался разорвать путы, но вконец измучился, покраснел маленьким, сморщенным личиком, из него, по отверстиям в теле, потекли отработанные жизненные соки и, почувствовав неуютность от сырой скользкости всего своего существа, он заорал благим матом. Какая-то тень закрыла его от яркого белого света, отёрла личико от слюны и слёз и заткнула рот родным, по первому ощущению, предметом, не принёшим с собою, однако, ожидаемого и так нужного тепла. Он воспротивился обману, вытолкнул изо рта соску и заорал ещё громче, но капелька молока, успевшая попасть на язык, вызвала чувство первого в жизни голода, неумолимого и страшного, как смерть, и при вторичном попадании в рот соска уже не показалась такой чужой, и он навсегда поддался рабскому чувству пока ещё крошечного тела, зачмокал, и, вскоре совершенно выбившись из сил, покрывшись жарким потом от первых усилий по добыванию пищи, простив сразу и неуважение к своему появлению на свет, и долгое ожидание, и незамысловатый обман ненастоящей, но уже нужной пищей, заснул, забыв о плене, сырости и своём присутствии во всём этом. Сон продолжался долго, в нём он продолжал жить во внутриутробной жизни, беззаботно и радостно улыбался этому состоянию, забыв о своём рождении и первых неприятностях, появившихся вместе с ним.

Проснувшись, он снова почувствовал голод, а затем обман неживого кормления, но опять покорно ел, выбора у него не было, как не бывает его у младенцев, связанных со своей жизнью только посредством желания еды и, может быть, нетерпеливым повизгиванием в ожидании кормления. Во время приёма пищи ему не хватало материнского тепла и ласковых слов, и он не научился улыбаться бутылочке с молоком, хотя внутренне радовался и такой заботе о своём ещё совсем немоющем организме. Вот в таком глубоком одиночестве ему удалось подрасти, и так как никто не предъявил на него родительских прав, его определили в дом малютки, где и продолжилась эта ужасная, обделённая нормальным человеческим общением жизнь. Ещё в роддоме с ним случилось несчастье, от редкого перепеленания и частого долгого крика в ожидании еды воспалилась плохо зажившая пуповина, и, после проведённой операции, на месте привычного человеческого пупка осталось гладкое место на животе. Когда его распеленали для обследования в приемном покое дома малюток, сердобольная пожилая нянечка из медицинского персонала учреждения, увидав отсутствие на его теле указателя недавней связи с материнской утробой, громко воскликнула: «Господи, это же Адам, сын Божий!» «Христос, что ли?» – спросила молодая медсестра. «Христос – это сам Бог и есть. А это Адам, дитя садов райских, Господом сотворённый». Это сочувственное определение его происхождения, по неимению опровержения со стороны очевидцев его рождения, а таковых не нашлось и доселе, легло записью в метрическое свидетельство о появлении на свет. Вот так случился в мире Адам Сынебожьев, будущий строитель мостов.

Между тем, в его происхождении нет ничего странного. Миллионы людей стали безродными космополитами по воле коммунистических управителей страны, мечтавших об обществе без прошлого, и это беспамятство должно было вознаграждать их усилия по созданию планетарного государства, в умах населения которого будут зреть только помыслы о счастливом будущем, где, однако, по замыслу устроителей, этому народу никогда не жить. Но случайно данная Адаму фамилия определяла его несомненное родство со всем живущим на земле человечеством

как в настоящем, так и в прошлом времени. Его вовремя забрали из дома малютки добрые, сердечные люди, и если кровные родители так и остались неизвестными, то любви и ласки в благоприобретённой семье ему достало вдоволь, и воспитали его по образу и подобию того времени, где ещё помнили разницу Божьего и дьявольского обличия. Фамилию и имя ему почему-то не изменили, видимо, не решились отнять всевышнюю печать, наложенную на рождённого в тайном грехе младенца. Потом всё было как у обычных людей – детство, отрочество юность, учёба в институте. Смерть родителей так поразила его, что он долго не мог вспомнить их живые лица, и они представлялись в его памяти ликами святых, кто смотрели со старых икон, оставшихся после них в доме. Он сравнивал лица родителей на фотографиях со святыми ликами, глядящими с иконостаса, и находил неувимое для чужих глаз сходство вековой печали этих взоров, с тревогой укоризны оглядывающих пространство безверия и в жалких гримасах человеческих масок угадывающих начало Господнего наказания – безумия. Родители умерли почти вместе, друг за другом – вначале скончался отец, а через полгода поспешила за ним и мама. Но Адаму всегда казалось, что оставили они этот мир в одно время, потому что никак не представлял их живущими порознь. И поминал он своих родителей в один день – смерти матери – напивался пьян, смотрел на их фотографии и плакал от своего одиночества в большом доме, оставленном ему заботливыми родителями. Упокоились они в довольно почтенном возрасте, но никогда не считались старыми, занимались хозяйством, читали какие-то свои книги, всегда были заняты, не просили помощи у людей, не беспокоили никого своим присутствием на земле, управлялись со своей жизнью сами и учили тому же Адама. Доучиваться в архитектурно-строительном институте пришлось самому, без родительской опеки и финансовой помощи. После всего происшедшего он ещё некоторое время продолжал жить в доме и даже ощущал присутствие отца и матери, прикасаясь и просто глядя на оставленные ими вещи и не изменившийся ничуть уют большого дома, который не осознал ещё своего одиночества, хранил в себе тепло очага, привыкшего согревать души живущих здесь людей. Адам даже не заметил, когда стала ослабевать эта незримая связь с теперь уже прошлой жизнью, забываться привычная радость совместного проживания здесь. Поначалу редко, а после уже и зачастую накатывала тоска, и дом казался чужим, неживым, всё в нём грозило скорым исчезновением привязанности к тому старому быту, который сам Адам был поддерживать не в состоянии. Занятия в институте начинались рано, а возвращался он только в сумерках, и в них серым призраком встречал хозяина дом, напоминая своим мрачным видом о начавшейся тяжёлой болезни своего одиночества. Это недомогание человеческого жилища, привыкшего к наполнению своего организма человеческим теплом, выражалось в обсыпавшейся местами штукатурке, покосившемся вдруг крыльце, скрипучем визге калитки, поросшем сорняком огороде. Недовольство ощущалось всюду, мешало сосредоточиться на учёбе, грозило превратиться в разлад собственных мыслей, но Адам не имел понятия о выходе из этой своей и хозяйственной беспризорности. Тут кто-то посоветовал продать дом, пока он не утратил товарного вида и можно будет получить за него хорошую цену. Деньги и вправду заплатили немалые, и Адам, усмотрев за щедростью покупателей рачительных хозяев, со спокойным сердцем продал материальную часть своего детства и юности, оставив себе добрую память об этом замечательном времени, и уехал жить в большой город. Средств, вырученных от

продажи недвижимости, хватило на приобретение двухкомнатной кооперативной квартиры недалеко от альма-матер, скромной обстановки и неголодного существования до времени окончания института. Он нигде и никогда не слыл повесой и прожигателем жизни, к учёбе относился серьёзно, как, впрочем, и к дружбе, не везде был своим парнем, но не считался и букой, отзывался на всё настоящее, не любил шутовства и мишуры. Когда он выбрал из наук, преподаваемых на курсе, мостостроение, удивились даже друзья, считавшие Адама будущим талантливым архитектором, способным проявить себя в более высоких сферах строительного искусства, но преподаватель, дававший студентам этот диковинный предмет, затащил его к себе в кабинет, и пробыв там тет-а-тет с ним пару часов, студент вышел оттуда неколебимо уверенным в правильном выборе будущей специальности.

Переехав в большой город, Адам освободился не только от хозяйственных забот, но и утратил комплекс вины за своё неполноценное рождение. В городке, где осталось детство, все знали о его происхождении, сердобольные тётки частенько кликали Адама «сиротой», жалели о нём так страстно, что ему делалось противно от их слов и хотелось бежать от их показной жалости. Родители ничего от него не скрывали, но он плохо понимал разговоры о его появлении на свет, не мог даже представить других людей, якобы произведших его, но куда-то исчезнувших навсегда. Маленьким мальчиком он считал, что если детишек приносит аист, то нет ничего странного в том, что его подобрали папа и мама, а когда узнал правду о взаимоотношении полов, вовсе перестал размышлять по этому поводу. Когда «доброжелатели» говорили, что ему повезло с родителями, которые подобрали его под забором, он представлял в воображении высокую дощатую изгородь, в подножье которой лежат запеленатые младенцы с сосками во рту, а взрослые люди, хорошие – похожие на его отца и маму и плохие – с козлиными рожками на голове, ходят туда-сюда как на рынке и выбирают себе детей. Но он не понимал, почему ему повезло, а тем ребятишкам, которые нашлись по-другому – нет. Со временем он уверился в своей правоте счастливого происхождения и никогда не завидовал другим детям, найденным другим способом – их пороли за каждый малый проступок, его же ставили на колени перед иконами замаливать совершенный грех. Тогда и пришло в его сознание – главный на свете Бог, Он карает и милует, и Ему лучше знать, кто из людей прав, а кто нет. От детских мыслей вырос страх перед Сущим, знающим и видящим всё и вся происходящее на Земле. Вечерами, ложась в постель, он начинал припоминать все проказы, сотворённые за день, шалости, злочиные и нет, как он их называл про себя, и боялся заснуть, потому что во сне может прийти смерть, и тогда его душа попадёт в ад и будет вечно страдать за неотмоленные грехи прошлого дня. Он тихонько вставал, шёл к иконостасу, где истово, на коленях, просил Господа простить маленькую вину детского непослушания: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», – твердил он и плакал. Божий страх вырастал вместе с ним и обратился добропорядочностью молодого человека, который судил о поступках людей через призму Господнего всевидящего взгляда, а молитва призвания милости Божьей стала его верной помощью на земных путях радости и скорби.

Комплекс, от которого он избавился, переехав в город, не был чувством неполноценности, просто появилась усталость от частых напоминаний доброхотов, что ласка родителей, наследство и даже свет собственного разума получены им незаслуженно, не по праву рождения. Огорчали его обстоятельства жизни, где раз-

гильдия и балбесы – сыновья и дочери высокопоставленных чиновников – вполне законно отравляли лучшие чувства своих родных и окружающих поступками, не имеющими ничего общего с моралью даже современного общества, о них шептались, обсуждали, но ни у кого не возникало протеста против безнаказанности такого поведения золотой молодёжи, якобы защищённой правом высокого рождения. Ему же, сыну, любящему своих родителей и сохранившему доброе отношение к людям, вменялось тяжкой виною какое-то не совсем приличное происхождение его человеческого организма, о котором никто ничего не знал, но сие всегда подразумевалось в разговорах о семье и о нём самом. Адам не понимал этих дурных намёков, начинал сторониться зловредных людей, а заодно, из нежелания услышать напоминание о несчастьи первородного греха, и добропорядочных граждан, а потом и вообще стал избегать общения и скоро, в мыслях своего затворничества, обнаружил признаки общей нелюбви к человечеству. Он очень испугался этих мыслей, посчитал их противными Божьему замыслу, и эта его боязнь озлобления к людям ускорила решение о продаже дома и переезда на другое место жительства, где никто не сомневался в праве появления человека на свет без всякой надобности для других, а его фамилия давала ему, в умах друзей, обоснованное право на беспричинное рождение. Такое впечатление от ненароком оставленного ему имени создавалось только в головах любящих его людей, оно же поместило его под гнёт могущественной части общества, относящейся с недоверием как к первому появлению Божьего Сына, так и к последующим его пришествиям, и обременённой идеей постройки нового мира на совершенно безбожном пространстве – общества равенства, братства и счастья, которое не удалось создать даже, при всём своём безмерном всемогуществе, Отцу Небесному. Неравенство в обществе предопределено самой природой, и корыстолюбивым соиздателям нового мира, не знающим усталости в заплетании паутины зла, осталось довольствоваться посевами безбожия, которые проросли ненавистью и недоверием к самим застройщикам земного рая. Адам же, начисто лишённый чувства тщеславия, торивший путь своему таланту получением новых, необходимых знаний, разочаровал надсмотрщиков за нравственностью молодого поколения равнодушным отношением к интригам идеологической борьбы и другим способам возвышения бездарных личностей, и от их негативного отношения к его фамильному несоответствию атеистическому обществу остались лишь ухмылки, возникающие на холёных лицах при прочтении паспортных данных Адама. Начиналась самостоятельная жизнь Сынебожьева не безоблачно, но его умение относиться к ударам судьбы как к Господнему промыслу давало ему терпение, препятствовало проникновению в его сознание болезненного отвращения к окружающей его мерзости поступков и помыслов людей. Ему не пришлось тяготиться обществом, окружение составляли обычные ребята и девушки, ещё совсем немного вкусившие от вседозволенности щедрот безбожного либерализма. Они встречались в институте, и постепенно близкое знакомство выросло в нечто большее – духовное родство, и на последнем курсе занятий в институте все возникающие интересные вопросы этой дружбы переносились для всестороннего изучения на квартиру Адама, где в жарких спорах рождалась истина. Истина, ещё только обещавшая стать твердью в сознании молодых людей, посвятивших свои юные годы познанию архитектуры и строительства зданий, дорог, мостов и мечтающих своими будущими творениями проникнуть в Вечность.

Первая пара занятий после зачисления в вуз явилась для Адама и первым же испытанием. Преподаватель философии, делая первую для первокурсников переключку, знакомясь с составом аудитории, выкликнул фамилию Адама:

– Сынебожьев.

– Я, – поднялся и ответил Адам.

– Откуда такая экзотическая фамилия? – полюбопытствовал преподаватель.

– Не вижу в этом слове ничего странного, – остудил его иронию Адам. –

Обычное имя – земное.

– Да-да, – поспешил согласиться преподаватель. – Извините, пожалуйста, садитесь.

При последующих ответах на вопросы других педагогов факультета Адам понял, что ему ещё очень долго придётся доказывать своё простое человеческое происхождение. Один день занятий, а вернее, частое произнесение фамилии Адама с попыткой выяснить рождение такого словосочетания сделало его на этот период знакомства самым известным студентом на архитектурно-строительном факультете. Популярность обязывала к знакомствам, с приглашениями на вечеринки, вниманию девушек, ко всяким разным безделицам, которые так часто выхолащивают душу и разум молодых людей, круто меняют их здравые помыслы в сторону дешёвого тщеславия и сиюминутного успеха. Но светская студенческая жизнь, как ни была весела и привлекательна новыми друзьями и податливостью сокурсниц, не уловила в свои легкомысленные сети Адама – он уже испытал свободу одиночества, выросшего из вопроса его загадочного происхождения на свет, и уединение, которое случалось после лекций в вузе, вечеринок и любовных свиданий, располагало его мысли к анализу происходящих вокруг событий – он считал эту суету временным явлением, а состояние пустоты окружающего пространства – судьбой. Это пространство должен был заполнить он сам, и всё здесь: и звуки, и лица, и даже краски останутся знакомыми с детства. Изменять началу своего мироощущения не хотелось, в том маленьком прошлом жила неистребимая из сердца доброта родителей, их настоящая, совершеннейшая во всех человеческих смыслах любовь и вера, что этим чувствам следует продолжаться на Земле не только куда жив Адам Сынебожьев, но и позже – всегда. Сомнения на этот счёт никогда не тревожили разум Адама, хотя в нужности многих происходящих в его жизни событий он уже начинал терять уверенность. Это неравновесие души, балансирование между сиюминутностью соблазнов и бессмертием духа живого он и переживал в первые годы обучения наукам, но каждый прожитый день добавлял уверенности в пользу духовного совершенства в этом, пусть насквозь материализованном мире. Он участвовал в жизни окружающих его людей как мог, но привычка анализа своих и чужих поступков в соответствии с заложенными в разум постулатами Божьего страха исключала повторное присутствие в местах, где ещё только замышлялось начало действия противных сознанию событий. Ему удавалось обходить стороной дурные компании, и по какому-то наитию он умел распознавать в людях добрые будущие намерения на дружбу с ним. Симпатии в кругу учащейся молодёжи возникали стихийно, но продолжались, как правило, недолго, никто этим не тяготился, не случалось самоубийств из-за несчастной любви, и только несколько пар глаз, грустящих непризнанием такого непостоянства дружбы и любви, напоминали о той жизни, где взгляды юности пылали клятвами верности и

непримиримостью к перемене этих чувств. Они, эти взгляды, находили ответный свет, и тогда рождалась настоящая любовь, она уживалась рядом с дикой свободой нравов, гасила насмешки адептов сексуальной революции своим постоянством, отличалась внутренней силой и убеждением, что равенство полов в обучении наукам отнюдь не повод для вселенского увлечения похотью тела и как её следствия – разврата.

Однажды Адам неожиданно понял простую истину – всё, что бы он ни делал в жизни, эта работа общего познания мира ведётся во имя себя и для самого себя, и никак иначе. Даже когда он ухаживал за больными родителями, подавал лекарства, воду, очень страдал, глядя на мольбу о помощи в глазах, движениях, этим он тоже создавал себя, своё будущее, а если говорить точнее, возвращал чувство любви к ближним – основание вселенской Любви. Полюбить ближних своих нелегко, но понравиться себе самому ещё труднее, этому-то и способствуют собственные поступки. И чем они отвратительней, тем страшнее становится ваша жизнь, ненависть к себе развращает душу, и короткие, мелкие и злые мысли выхолащивают радость ранних добрых намерений. Эгоизм отдельного человека вовсе не себялюбие, а безразличие к страданиям и помыслам чужих людей, он постепенно усугубляется равнодушием к своим ближним, а в самой высокой стадии – ненавистью к себе самому, и дальше становится совершеннейшим бездушием, приводит к духовной смерти, жизнь висит на волоске, пока возненавидевшее себя тело не повиснет на верёвке или не пустит себе пулю в висок. Страх бесславного конца довлеет над эгоистом, и даже петля манит его собственной безраздельной жестокостью отношения к своим близким, желанием увидеть их слёзы сожаления о себе.

От таких мыслей Адама спасало недоверчивое отношение к своей персоне, боязнь ущемить своим присутствием чьи-либо амбиции, тем самым оставляя преимущество другим, но от начала действия присматриваясь к последующим шагам претендентов на будущую победу. Вскоре он обнаружил, что большинство студентов, принявших участие в борьбе за право быть на пьедестале и получивших при этом фору, быстро теряли преимущество и незаметно сходили с дистанции, а вперёд вырывались из тени, из средних рядов, а то и вовсе неизвестные, но расцветшие в силе и разуме личности прямо по ходу этих жизненных соревнований. Чаще всего ими становились пытливые наблюдатели этих молодёжных ристалищ. Из этого опыта появилось решение никуда не влезть очертя голову и только спокойно подходить к неизведанному предмету, в согласии со знанием дела. Так на первом курсе занятий в вузе объявилось множество талантливых личностей, но уже ко второму году обучения число их существенно поубавилось, и лишь несколько светлых голов оказались в состоянии запоминать огромное количество информации, предложенной изучаемой наукой. В этом числе оказался и Адам, терпеливо ожидавший начала своего созревания и взросления в качественно новой для провинциального юноши жизни.

Полученная Адамом относительная свобода в виде отдельной жилплощади в муравейнике человеческого общежития, где предполагался контроль над жизнью постояльцев, принесла и первые испытания этой волей, предполагавшей воплощение в реальность многих соблазнов юности. И хотя он поначалу смутно понимал, что эта двухкомнатная клетка может служить домом (так уж сильно этот шумный застенок был непохож на вольницу родительского жилища, сада и улицы рядом),

но убежище вполне подходило для временного проживания на период обучения профессии и не обязывало постоянно заботиться о его благоустройстве, так как было оснащено всеми потребительскими предметами, имело вид из окон прямо на широкую, населённую автомобилями дорогу, оттуда доносились в спальню Адама гудки клаксонов – звуки городской побудки, заменившие крики деревенского петуха. Не мог он только привыкнуть к назойливости соседей, звонивших в двери в неурочный час и задающих нелепые вопросы о спичках, соли и запросто проходящих в комнаты, будто они были продолжением их жизненной территории. Он ещё не научился способам борьбы с посягательствами на свой покой и мучился, выслушивая откровения неведомых ему судеб припозднившихся гостей. Это нежелание обидеть всякого человека, обратившегося к нему за помощью или с желанием быть услышанным, оборачивалось потерей времени, и ночь служила Адаму часами своей тишины для размышлений и подготовки к занятиям.

Только один поздний звонок у его двери обрадовал последующим общением с человеком, чья жизнь могла бы остаться незамеченной в житейской сутолоке, если бы этот пожилой сосед не попросил бы однажды вернуть лампочку в люстру под потолком вместо перегоревшей. Сам бы он не мог этого сделать по причине боязни упасть со стула, с которого нужно было дотянуться до цели. Сосед чинно извинился за беспокойство, объяснил своё вторжение привычкой ночного чтения за кухонным столом, а тут, дескать, наступила тьма, что и заставило его позвонить в дверь квартиры Адама. Эта просьба прозвучала так пристойно и вежливо, что Адам, приготовившийся открыть дверь навстречу новым неприятностям, отрывающим его от учебника, без слов прошёл в соседнюю квартиру, этажом выше, вкрутил лампочку и остался пить чай, предложенный старичком как компенсация за невольное беспокойство.

– Чем занимаетесь, юноша? – спросил сосед, насыпая в розовый чайничек заварку, и по-колдовски, щепотью добавил туда же из банок и склянок сухие листья и травы.

От этого незамысловатого вопроса, заданного тёплым, но звучным голосом, от обжитого уюта маленькой кухоньки на Адама повеяло покоем большого дома, вспомнились вечерние чаепития в родительской избе, за круглым столом, покрытым скатёркой с нарисованными на ней плодами сочной вишни, и он сразу же отозвался:

– Учусь.

И добавил:

– Лампочки вот меняю.

– Приятно, приятно, что рядом живёт умелый молодой человек. Умение в деле совершенствуется от желания помочь ближнему своему и чахнет в нерадении того. Многому нужно и можно выучиться, но, познав, не любоваться своим многоумием, а приложить к пользе прежде всего людей, окружающих тебя. Но, простите, не слишком нудно я начинаю наше знакомство? Восторг юности редко совместим с опытом старости, хотя и то и другое необходимо в любом возрасте. Как вы об этом думаете?

Сосед залил кипятком составленную им смесь для заваривания чая.

– Никак не думаю, – упростил свой ответ Адам. – Не хочется вас перебивать. Время обсуждений ещё не настало. Кто-то должен говорить, а другой слушать. По молодости лет слушателем буду я.

– Похвально. Редкий дар у вас, юноша – слушать. Нынче все говорить хотят, что ни глупец, то Цицерон. А чему же вы учитесь, если не секрет?

Хозяин приготовил чашки под чай.

– Мосты буду строить, если успею, – почему-то внёс сомнение в свой ответ Адам.

– Отчего же не успеете? Рек на ваш век хватит. Поворачивать воду уже передумали, самое время мосты строить. А может, и через океан – работы хватит если сноровка есть. Мост, его постройка – это вроде как путешествие к дальним, ещё не виданным берегам. Сама конструкция его похожа на корабль, идущий над набегающими волнами в поисках обитаемых и девственных земель. Повисшая над водой дорога – как небесный путь к торжеству разума, его проникновению через препятствия, не нарушая самой красоты реки, а дополняя её лёгким взмахом пролётов моста, переносящих чью-то жизнь к другому берегу, – философствовал новый знакомый. – А вы знаете, я уже здесь давно живу, но никогда не встречал молодых людей, желающих строить мосты. Как интересно, должно быть, начинать свою жизнь с постройки чего-нибудь необычного?

– Я ещё ничего не строил, но наш профессор уверен в моих способностях и покровительствует мне на этом пути. От разговоров с ним моя уверенность возрастает, пропадает страх неизвестности, мои глаза начали засматриваться на уже перекинутые мосты через реки и даже просто арыки. Мне кажется, что я начинаю отличать творение художника от ремесленной поделки – этому учит мой преподаватель. Хотя мой разум утомляет банальная суть строительства – перейти реку. Долгое время мне не виделось различия между красотой и надобностью. Брошенная через арык доска – тоже мост, но можно ли найти сходство такого перехода с мостиками на прудах Фонтанки? – разговорился гость.

– Сходство можно найти всюду, а если искать, то во всём. Во дворцах и хижинах, картинах великих художников и мазне импрессионистов, но как доказать это безразличие людям, имеющим глаза? Попытки объяснить сходство подлого и прекрасного не удались никому. И слава Богу. Человечество расколото на родившихся слепыми и зрячими, на хамов и обладателей добродетели светлого разума. Эти два качества несовместимы, как те доски, брошенные через грязные арыки, и арки мостов Петербурга. А ещё есть Венеция. Да мало ли красоты вокруг, в дальних и ближних местах нашего времяпрепровождения.

...Легкое похлопывание по плечу вывело Адама из пространства прошлой жизни, и он, запомнив последнюю фразу о красоте, высказанную соседом и другом его студенческой свободы, мудрого жителя Земли, отправился умыться и уселся перед телевизором за накрытый стол. Жена с любопытством наблюдала за движениями мужа, неожиданно изменившего свои недавние привычки, поработившие его на время вынужденного безделья. Вчерашние безволие и похмельная неуверенность сменились хозяйской расторопностью и мужским достоинством – он спокойно разливал вино, непринуждённо закусывал, а выпив чаю, выложил на стол деньги так небрежно, будто не переставал этого делать никогда. Уверенный голос из телефонной трубки сопровождал эти его действия – однажды услышанный, он и теперь не покидал его разума, не изменил интонации, которая и стала частью стимула в перерождении Адама в самого себя. Жена, неожиданно вернувшаяся домой, то ли за оставшимися вещами, а может, передумав свои действия, пожалев мужа, как это умеют делать наши женщины, приняла деньги в аванс жизни.

которая уже исчезала в общем неблагополучии общества, но получила какой-то неведомый прилив свежей крови и теперь воскресала в женских глазах ожиданием разъяснений из уст молчаливого мужа.

– Вот, – наконец выдохнул Адам, – на работу пригласили. Даже аванс выписали, – по старинке объяснил он выдачу денег. – А ты, никак, уйти собралась?

– Да, – утвердительно ответила супруга. – Поживу отдельно, в городе. Не буду тебе мешать, приезжать стану, но мне пока тяжело тебя видеть. За работу держись – это, видимо, твой последний шанс остаться полезным для этой жизни.

– А ты? Ты какой шанс? – вдруг спросил Адам.

– Я – мизерный. Мои силы иссякли, вся надежда на твоё возвращение в жизнь, а там... время покажет, – она поднялась из-за стола, отщипнула от принятых денег несколько купюр, положила на стол. – Тебе же на работу ездить надо и питаться тоже, – неторопливо выговорила жена, и Адаму показалось, что в этих словах уже зарождалась прежняя забота о его существовании. – Пойду. Звони. Нам уже трудно забыть друг о друге. До встречи.

Адам не стал её провожать, а лишь поднялся со стула и присел снова, когда хлопнула входная дверь. Телевизор надрывался хохотом, на сцене корчил рожи очередной шут, слов Адам не слышал и не хотел «Смех во время чумы», – подумал он и выключил телевизор. Опять стукнула дверь. «Вернулась. Не договорила. Что ж, всего никогда не выговоришь».

Но скрип половиц опроверг его мысль – шаг был тяжёлый, мужской, и как-то сразу у стола вырос сосед по даче, Виктор Амбросиевич, отставной профессор, огромный, как сама изучаемая им наука – философия и такой же красивый, какими бывают мудрые слова, воплотившиеся в образ, который бы соответствовал их внешнему подобию:

– Шампанское пьёшь, – неопределённо подвёл итог своему взгляду профессор и выпил вино из бокала, нетронутого хозяйкой дома. – Хотя и без приглашения, но с радостью на душе предчувствую событие, с которого начнётся иная эпопея в жизни сына Божьего, – так он всегда величал Адама, причём без всякой иронии. – Можно ничего и не рассказывать. Шампанское, небрежно брошенные деньги – не загадка для философа. Но вот причину этого безобразия хотелось бы узнать. Мудрецы всегда любопытны, оттого и умны не в меру. И это тоже чушь. Какая может быть мера у мудрости? Хотя ограничения были всегда, чтобы не перемудрили. Так будем отвечать по существу мной увиденного несоответствия предметов, лежащих и стоящих на столе, регламенту существования бывших служащих и рабочих интеллектуального труда?

– Присаживайся, – осадил разговорившегося умника Адам. – Разговаривать будем, может, что посоветуешь. Хотя философы могут только огорчать людей своими познаниями. Иного не дано – человеческий разум никогда никого не наделял радостью бытия. Потому философы удалены или сами удаляются от людей, кто в бочку, иные на дачу, чтобы не вредить жизнерадостному человечеству своими мрачными советами.

– Любопытно, – ответил сосед, выдавливая из бутылки остатки шампанского. – Значит, выделенная мне профкомом института дача – обман и является не чем иным, как ссылкой от мест скопления народа. Той самой бочкой, где прозябал Диоген, а ныне обитаю я. Сам бы до такого удачного сопоставления двух периодов развития интернирования мысли, для её же блага и сразу же для благоденствия

общества, наверное, не сумел бы додуматься. То, что я по своей глупости считал поощрением своих трудов, на самом деле оказалось наказанием за нелепость изысканий в области философии. Вот-вот, этим своим эгоизмом мы, современные мыслители, и отличаемся от древних мудрецов – ибо те уходили в бочки, в пустынь сами, дабы не будоражить общество противоречиями его сознанию, а нас приходится заманивать на пустое пространство дачами, машинами, чтобы не отвлекали людей от созидательного труда. Да-да, награда – всегда наказание, она в будущем потребует оплаты, – продолжил свой разговор философ.

– Погоди, – остановил его Адам. – Никто вас не ссылал. Просто в своих институтах, в среде таких же болтунов, многие разучились мыслить адекватно событиям, происходящим в мире. В своём междусобойчике цель разговоров одна – изобретение новых мыслей, а их полезность обществу вами никогда не учитывалась. Праздность вашего бытия и выражена древним латинским изречением – «In vinos veritas!», но правдивость этой догадки исчезла вместе с отменой рабства. Праздность перестала быть привилегией, так как вина эксплуататора была доказана и признана, но ваше желание возобновить эти льготы в общественных и научных учреждениях – удалась, а изменение формации общества и переход к рынку навсегда лишил жизнеспособности такие формирования, прекратив их финансовое обеспечение. Праздная пословица – «Истина в вине» – умерла, успев, однако, подчиниться своим началом другому высказыванию, «Время – деньги», чего у нас с вами и не хватает. Времени уже недостаточно, а денег всегда.

– Мне даже нечего сказать в оправдание. Хотя один аргумент есть. Когда научная элита жила отдельно от народа, она никому не мешала, а теперь лезет во все дела, желая помочь, советует и этим только дезориентирует население, которое жаждет хлеба и зрелищ. Сейчас нужна совершенно другая помощь, а не домыслы о пользе бедности и безнравственности богатства, и то и другое аморально в нашей стране, где полны земные недра и пусты карманы у населения этой территории. А учёную ересь растолкали по дачам, дали пенсию, то есть опять отделили от государства и теперь уже навсегда.

– Вам хоть пенсии оставили, а нам только свободу, – вздохнул Адам. – Что делать с деньгами, понятно, а как поступить с неожиданно полученной свободой – это тема для философа.

И так всегда, как бы ни начинался разговор двух безработных соседей, сводился он к деньгам и беспредельной свободе от всего. Вольные помыслы Сынебожьева не одобряла жена, у профессора философии свобода существования была полной – супружеские отношения расстроились сразу же с началом новой жизни. Теперь их свобода обрела новое качество, ушла жена и от Адама, но он уже был приговорён к трудовой повинности, и деньги на столе и выпитое шампанское напоминали об этой сладкой неволе.

– И всё же, что у вас произошло? – повторил сосед, уже без указаний на приметы обновления.

– Жена ушла, но, кажется, я встал на службу. Всё происходящее со мною не совсем ясно, но, думаю, завтра этот туман рассеется, – в привычном русле разговора отвечал хозяин.

– Мои поздравления! Чёрт возьми, а ведь я ещё не разучился радоваться чужим успехам. Этот свой недостаток я хочу растворить в вине. В моих погребах ещё сохранилась баночка наливки, – и сосед вышел.

Баночка оказалась пятилитровой посудиною, в которой нежным цветом спелой вишни искрилась запертая внутри жидкость. Когда вино булькнуло в стаканы, в его кровавой прозрачности прозрела та истина, что долго томилась в неволе дачного подвала. Она нетерпеливо подрагивала в доверху налитой посуде и, выплеснувшись в человеческую утробу, породила беседу, слова которой стали неожиданным откровением даже для людей, начавших этот диалог.

– И что за служба такая, на которую принимают дачных неудачников? – с иронией спросил профессор.

– Всё та же, буду строить мосты, – отреагировал Адам.

– Наверное, между развитым социализмом и капитализмом. Тут без добротного моста не обойтись, через муть переходного периода вплавь не добраться, акулы нового времени сожрут. Потому и называется рубеж – переходным, а чтобы его миновать, нужен мост. Ноги не замочить, а то и вовсе утонуть можно. Поздновато строить решили, многие уже захлебнулись вождельенной влагой свободы, ну те, что не захотели ждать и вброд пошли. И как же это о тебе вспомнили? Не иначе как хотят в райские места мост перекинуть. А так-то рассудить, чего ради зря сына Божьего из забвения вызволять, – строил предположения философ.

– Не знаю. Сказали – есть река, нужен мост. Дали аванс и кабинет. Завтра разъяснят остальные направления моих трудовых обязанностей. Наверное, и реку покажут, не выдумали же они такой проект, – подыграл ироничному настроению соседа Адам.

– Приятная новость, но меня огорчает будущее одиночество – беседовать не с кем станет. Не смертельно, но жутковато. Можно говорить с самим собою, но не обо всём. Невозможно спрашивать себя о будущем, ведь там ещё нет тебя. О новом времени можно мечтать только вдвоём. У тебя, Адам, появилось будущее, в которое ты завтра отправишься, а у меня никакой новизны уже не случится. Постоянство – это навозная куча, что для мухи благодать. У меня дача, пенсия и разговор о возможности перемен, новых веяниях, ушедших жёнах. Ты лишаешь меня основы моей жизни – разговора о ней. Одиночество в моём состоянии – однообразие мыслей, та же навозная куча. И это смерть, не физическая, но духовная. Конечно, очень высоко сказано, в частности о моей духовности. Но ведь малая часть планеты тоже планета. Моя дача и кусок земли вокруг неё – мои владения, они тоже часть Вселенной, и я хочу участвовать в жизни, пока жив сам.

– Я же не уезжаю в другую часть света, а лишь только иду на службу и вечером к вашим услугам, – оправдался Адам. – И потом, мои новые впечатления могут стать предметом наших разговоров и наверняка породят более свежие размышления о современности. Мы ведь только пережёвываем оставшиеся в памяти времена и судьбы. На наших участках земли ничего не изменилось, тогда как совсем недалеко, в городе, полно очень даже любопытных перемен. Знать их свойства и есть какое-то участие в нынешней жизни.

– Может быть, может быть. Поживем и, быть может, увидим, – пессимистически подвёл итог разговора сосед.

– А почему бы вообще тебе не поучаствовать в нынешних событиях? Писать статьи. Книгу можно написать, сравнить былое и настоящее, так сказать, через призму философии.

– Можно, конечно, но совесть не позволяет. Нужно называть всё своими именами, а названия эти нежелательны для узнавания широкой публикой. Не-

которые мои коллеги быстро трансформировались в новую жизнь – определяют состояние сознания в нынешнем бытии, советуют, будто сами разрабатывали план перестройки, и просто диву даёшься с них. А я не могу обрести такой свободы совести.

– А она бывает, такая свобода?

– Нет, не бывает. Совесть дана от Бога – это чувство страха перед Ним, и потому она есть или её нет. И не надо подменять это чувство лицемерием наличия совести. Потому свободы совести не бывает. Есть хранители совести, невольники своей порядочности, что ни на шаг не отступят на пути к образу и подобию Господнему. Освободить совесть невозможно – возникнет пустота, которая заполнится мерзостью лицемерия. И полусовести не бывает. Сразу возникнет вопрос – во что превратилась вторая её половина. И причин для обнаружения совести нет, это чувство никогда не терялось, потому что оно не попутчик, а путь. Общественной совести также не бывает, нет её в приказах и указах. Совесть одинока, как всё, что не поддаётся переменам, как воспитанный по совести человек. А что касается книги, то я что-то подобное пишу. Медленно, правда, но это правильно. Мысли должны отстояться, муть исчезнуть. Надо так написать о людях, чтобы отозвалось. Ведь о чём бы ты ни писал, пишешь о человеке. Эпоха, столетия, годы, дни – это всё люди, их жизнь. И как ты к этому относишься, так тебе и отзовётся. Говоришь, нужно выйти, посмотреть, как живёт народ. Не обязательно. Чтобы писать, нужно иметь предчувствие событий. Бесстрастное чувство. Начнёшь сочувствовать чему-либо, и пожар недоверия, зависти пожрёт душу, изъест её, как моровая язва тело, и о чём тогда можно писать? Как те писатели, что растерзали свою душу мерзостью помыслов о ближних своих, подменили свет драгоценных крупиц души своей – корыстью. Это можно, если не признаёшь мук совести своей, не принимаешь их в сердце своё, не обращаешь их во свет любви к человеку и Господу. Вечные муки ведь не только на том свете суждены нам, они на земле начинаются. Это и есть – совесть. Так что участвовать я могу лишь в мыслях о жизни, а в самих её событиях моего участия кем-то не предусмотрено.

Адам не нашёлся с ответом, хотя его и не требовалось, слова были сказаны утверждающим тоном, а не выносились для дискуссии. Впрочем, он и не хотел возражать – был совершенно согласен с философом.

Однако предположение высказал:

– Но чтобы писать, нужно иметь необыкновенную память.

– Верно. Неважно, какое количество лет прожил человек, важно, сколько времени своей жизни он запомнил. Сколь обширно человек наделён памятью, столько он и прожил. Годы здесь ни при чём, можно не помнить даже вчерашний день. Но если ты помнишь даже то, чего тебе не хочется вспоминать, значит, время отпечаталось в тебе навсегда, и мысли ждут мгновения созревания, чтобы обратить время вспять и рассказать о нём людям, которые не смогли его запомнить или вовсе не жили в нём. О времени впрок пишут фантасты, они предвидят события. Возвращают же прошлое люди с доброй и злой памятью. Понять настоящее помогают ворчуны. Но прежде всего надобно иметь терпение, чтобы выслушать тысячи человеческих исповедей и только потом начинать говорить самому. Таково моё мнение.

Летнее время долго, и день, вначале потерявшись в сумерках, сразу провалился в ночную тьму. Сосед засобирился и, пожелав доброй ночи, отправился домой.

а Сынебожьев ещё некоторое время сидел за столом, глядя перед собой очень целеустремлённо, но абсолютно бессмысленно. Такое состояние продолжалось недолго, и вскоре он уже лежал в постели с думами о завтрашнем дне, волновался от них и никак не мог заснуть, а задремав, заходил в свой будущий кабинет, но не находил там стола и стульев, шарился по сумеречным углам в поисках компьютера и никак не мог раздвинуть шторы, чтобы пустить в комнату свет. Всё это время его преследовал голос соседа, твердивший о совести и направлявший в разные стороны на поиски её. Он шёл по указанным направлениям, но ничего там не находил. Потом они уже вместе с соседом гуляли по зелёному лугу, и тот твердил с невероятным в жизни упорством, что все его лучшие чувства остались здесь: «Это поляна моего детства, но меня уже нет на ней и никогда не будет. Мне очень страшно от моих многознаний, но больше всего меня мучает сознание того, что я больше не увижу умных книг и не осмыслю до конца своего участия в жизни. А зелёный луг останется в моей душе как ощущение самой светлой потери, что произошла в моей жизни, а потом стала страдающей памятью всех доставшихся от безвестной судьбы лет. Прощайте, луга, моря и горы, книги и споры». Адам что-то ему возражал, но трава очень ярко блестела под солнцем, и слова его пропадали в напоённом густой зеленью воздухе и бесконечности пространства луга.

Потом, не просыпаясь, он попал в далёкую, неизвестную страну, где было раннее утро и только всходило солнце. Лучи его освещали высокую фигуру статуи, которая протянула свои каменные ладони навстречу нежному утреннему теплу, и в её словно наделённых жизнью глазах сверкал восторг, посвященный рождению нового дня, начинавшегося у соединения моря и земли и загоравшегося в рубиновых глазах исполина радостью, рассыпая искры её на воду, прибрежный песок, обращая пляж в промытые золотые россыпи. По этим драгоценным крупичкам на облаканном тёплым светом кусочке морского побережья бродили ленивые белоголовые чайки, готовящиеся взмыть в ещё невидимую бездну неба, где их ожидали насиженные ими голова, плечи и руки колосса, протянувшиеся к восходящему солнцу. По бесконечному настилу из золотого песка ступали босые ноги юной девушки, отправившейся за своей мечтой в ранний час пробуждающегося дня и справедливо считающей, что чуть позднее счастье и радость будут разобраны и растащены по своим углам другими людьми, пробудившимися ото сна. И ещё она хотела убедиться, что волны по-прежнему набегают на пустыню песчаного берега, и всё так же бесконечна даль, подрагивающая дымкой утреннего морского воздуха, и в ней таится ожидание любви. Её ноги легко прикасались к блеску солнечных лучей, искрами посыпающихся из глаз каменного великана на полосу выбранной ею тропинки, что вела на край света. Утром, при рождении дня, он, этот край, недалёк – стоит только выйти на Божий свет и, растворившись в мечтах, жить в нём. В юности доступно всё, но от самого края солнечного света начинается новый путь, ещё более вольный, не имеющий окончания, и стоит только войти в него, как волнующее ожидание счастья поведёт в сторону едва видимого горизонта надежды. Издревле всякого желающего пуститься в путь от начала утра и до самого края Земли своим зорким взглядом рубиновых глаз провожал хранитель острова – каменный великан по имени Атлант. Он остался здесь с того достославного времени, когда ангелы небесные по Божьему повелению спустились на землю и стали брать себе в жёны земных дев, дабы воскресить в детях, родившихся от этих объятий любви, восприятие красоты мира, созданного

Отцом нашим, по чьему образу и подобию были сотворены люди, но позабыли в грешной земной жизни о своём высоком происхождении. Но через недолгое время отозвал Господь своих небесных посланцев для помощи в делах великих, и оставили те своих жён и детей на земле и отправились восвояси, по первому зову Отца. Но один из ангелов замешкался в прощании с любимой женой и тогда, на долгое время опоздав к месту сбора на берегу моря, был остановлен гневом Господним здесь, на песчаном побережье, и стал каменным идиолом в назидание за непослушание Отцу Небесному. С той самой поры провожает он каждого путника, решившегося отлучиться на поиски счастья, светом любви в своих глазах, которая застыла вечностью его присутствия на земле.

На этот остров попал Сынебожье. Рано поутру с проходящего корабля его доставили сюда местные аборигены в лодке с высокими бортами и мелкой рыбёшкой, разбросанной по дну, которая противно скользила под ногами. Но все эти неудобства исчезли из мыслей Адама, когда он увидел фигуру великана, сверкающую в лучах утреннего солнца. Это необыкновенное зрелище захватило мечтательную натуру строителя мостов, и он напрочь забыл, зачем его сюда привезли. Ему навстречу шагал великан, расставив для объятий руки, рубиновые глаза сияли радостью встречи, и все эти движения были обращены к Адаму, и казалось, что гребцы тоже понимают никчемность своего присутствия на свидании вечности с человеком, рискнувшим явиться к ней, чтобы подлатать стопы каменных ног, уставших от долгого ожидания мастера. Новое дело не пугало Адама, он боялся другого – как бы от резвого движения по набегающей волне колосс не рассыпался на части, и тогда, чтобы собрать вместе это древнее чудовище, так ласково улыбающееся ему навстречу, придётся остаться жить на этом острове.

Вот с такого таинственного острова своим неожиданным пробуждением Адам перенёсся на дачу и сразу же поднялся, вспомнив о новой приятной заботе – полученной службе. Готовился к первому трудовому дню тщательно – выгладил брюки, рубашку и даже пиджак, почистил башмаки, долго лил на себя воду, фыркал и отдувался, выбрился так, что рука мягко скользила по щеке. Выпил чаю и отправился к дачному повороту дороги, куда должна была прибыть машина. Это немного смущало, но он был полон надежды, что оправдает доброе отношение к себе со стороны своих работодателей. Невероятное облегчение он почувствовал утром от увиденного сна – необычно красивого, как сказка. Та широкая поступь, которой двигался ему навстречу колосс, сверкая радостью рубиновых глаз, вселяла веру, что он сможет помочь и себе, и ещё многим хорошим людям, которые в образе этого могучего гиганта встречали его во сне, будто бы в новой, наступившей этим утром жизни.

Водитель был очень озабочен густым движением автомобилей на дороге и потому неразговорчив, и Адаму припомнился японский проект моста, соединяющего остров с материком, хотя в Японии трудно разобрать, что есть основа, а что является только частью земли. На фоне сплошного разлива воды земная композиция проекта гляделась довольно нелепо. Ненужной здесь оказывалась вода, которая, однако, никуда не могла исчезнуть. Мост раскалывал пролив надвое, останавливал движение воды, её круговорот, и всё потому, что нижняя часть моста соприкасалась своими тяжелыми конструкциями с гладью воды и навсегда разрезала это зеркало пополам. Вглубь тёмных морских вод никто заглянуть не может, но сверху видна непрерывность движения стихии. Тогда он облегчил и

приподнял конструкции моста над водой, а боковые их формы выполнил в образе прыгающих над водой дельфинов. Японцы живо отнеслись к полёту его творческой мысли и, после измерений прочности изменённого проекта, согласились с его замечаниями. Самому Адаму не удалось участвовать в строительстве моста – кончился срок командировки, но японцы не забыли его услуги и прислали фотографии уже выстроенной конструкции моста, который парил над водой, будто его подняли на себе те самые выпрыгнувшие из моря дельфины. Прислали и деньги, из которых ему досталось не очень много, но он был доволен одним видом моста, по которому гибкими, словно воздушными извивами пролегла его инженерная мысль.

Но вот и контора. Теперь внутренние помещения смотрелись совсем по-другому – не праздно, а по-рабочему. Секретарь вручила ему ключи от кабинета, предупредив, что шеф скоро будет. Едва он вошёл в кабинет, как тут же появился молоденький парнишка – оказалось, программист, на столе ожил компьютер и под ловкими пальцами юноши начал посвящать Адама в тайны своего искусственного мозга. Адам сбивался, нервничал, но парень оказался настойчивым учителем, и через пару часов ученик уже умел находить нужную программу и создавать простенькие рисунки.

– На первый раз достаточно, – вдруг остановил урок молодой человек. – А то ещё, чего доброго, возненавидите технику.

– Нет, мне нравится, очень удобная вещь, – возразил Адам.

– Всё равно надо отдохнуть и глазам, и голове. Уверен, у вас всё получится. Завтра с утра продолжим. А пока здесь и дома тоже штудируйте эти книги, – юноша указал на две брошюры, лежащие на столе, и вышел.

«Работа на персональном компьютере», – прочитал Адам и сразу же раскрыл первую из них. Тёмный лес из английских названий глянул на него со страницы, но, присмотревшись, он начал понемногу выбирать нужные позиции и изучать их, пока чисто теоретически, увлёкся и не заметил, как вошёл шеф.

Но запомнившийся навсегда баритон вернул его к действительности:

– Как идут дела?

– Учимся, – ответил Адам.

– До завтра у вас перерыв. Сегодня я покажу вам место, где надо будет построить мост. Поедем, а потом вас отвезут домой, – без всякой подготовки, деловито сообщил Мухаммед.

Адам прихватил книги и было двинулся за шефом, но тот остановился и посоветовал:

– Вы загляните в стол, там должен быть какой-нибудь портфель для бумаг, туда и сложите книги. Стол ваш, заглядывайте туда почаще, там будет всё необходимое вам. Если чего-то не будет хватать, обращайтесь к секретарю. Я жду в машине.

Адам открыл дверку тумбы стола и сразу же нашёл небольшой пластиковый портфельчик с множеством отделений для бумаг. Сложил туда книжки, медленно-медленно закрыл кабинет (как приятно закрывать дверь своего рабочего помещения ещё недавно безработному дачнику) и спустился вниз.

Машина сразу набрала обороты, вылетела за город и понеслась в сторону колышущихся зеленью садов.

– Проект будет готов к концу недели. Сколько времени потребуется на его доработку? – спросил шеф.

– Увижу реку, потом проект и тогда смогу всё объяснить, – в тон ответил Адам и сам удивился возврату своей деловитости.

– Справедливо. Река уже видна, дело за проектом. В институте много говорили о безопасности конструкции. Не нарушатся ли эти условия с изменениями проекта?

– Нет. Это ведь одно из основных требований. Можно изменить форму эстетически, но несущие составляющие всегда остаются на своих местах.

– Хорошо. Вот с этого места и начнётся строительство, – машина остановилась на довольно крутом берегу бурной реки.

Как давно Адам не видал реки, которую нужно было не покорить, нет, воссоединить её берега так, чтобы само водное пространство осталось бы прежним – диким и восторженным, а не закованным в бетон. В отношении к природе нужны светлые мысли, чтобы громады созиданий не пугали берега и воды, леса и поля, а только бы повисали в воздухе, как облака, не мешая простой радости человеческого взгляда на земные просторы. Увы, у творца и ремесленника разные понятия о созидании, и потому замирает земля от грохота взрывов в начале массовых строек века и веков, которые грозят вскоре поглотить всю первозданную красоту мира.

«Какая благодать, – подумал Адам, глядя на реку, её живописные берега. – Не испортить бы эту красоту». Подступала неуверенность, всегда порождавшая сомнения перед новым строительством. Он спустился к самой воде, умылся и, подняв голову, увидел радугу, которая уже объединила берега реки, сверкая разноцветными перилами своего фантастического моста. Адам вытер лицо платком, и мост пропал, растворился в голубом небе. «Да, Господь – лучший художник и строитель тоже. Смертным такое совершенство не под силу. Для лучших произведений не хватает времени. Лучшая песня исполнится на другом свете, а может, и там не случится. Не каждый готов к разговору с Вышним арбитром. На земле одни правила, там, наверное, совсем другие. Одно известно – пред Отцовским ликом не соврёшь. Здесь, на земле, можно и уродство за красоту выдать. Поверят, коли подкормить кого надо. В другом же мире всё бестелесно, соблазнов нет, и потому дух крепок и величав и суеты не приемлет. Вечность для того и дана, чтобы не спешить. В суете великое не родится. Но приближаться к вечному надобно; от словца – к слову, от рисунка – к картине, от мостика – к мосту. Вот показал Господь свой проект перехода – не признать невозможно, но вылепить такое не под силу, а хочется стать вровень, да сроки не позволяют, торопят. Знать бы, когда жизнь закончится... и всё равно бы не успел. Страх перед смертью не дал бы на своей жизни сосредоточиться. Потому никто нас в сроки нашей жизни не посвящен. Живи, твори, но знай – всего не успеешь, и потому делай сразу, если не навечно, то хотя бы навсегда. А всё-таки, можно себе представить, что это мой последний мост, и каким его увидит мир – решать мне. Господи, дай же силы не лукавить пред ликом Твоим. Жить и творить по совести».

Адам вскарабкался на берег.

– Там что у вас будет? – показал он на другую сторону реки.

– Дом отдыха для наших работников. Силы восстанавливать будем от трудов праведных, – пошутил шеф.

– Я уже отдохнул до изнеможения. О дальнейшем безделье даже думать боюсь, – высказался Адам.

– Верно. Но насладитесь работой и отдохнуть захочется, – уверил шеф.

– Нет, это надолго. Пока всю свою вынужденную праздность не отпашу, даже выходные для меня покажутся каторгой, – не согласился Адам.

– Поставим вам дома компьютер и работайте на здоровье, быстрее приобретёте профессиональные навыки. Я согласен поддержать ваш энтузиазм, но чрезмерно себя не загружайте – всё хорошо в меру и вовремя. Всё нужно делать без опоздания – и любить, и дружить, и жить, и трудиться. Я думаю, что и мы ко времени встретились. Мост здесь должен получиться? – перешёл к делу Мухаммед.

– Берега надо хорошо укрепить. Обрыв, значит, почва подвижна. А мост будет, хороший мост. Не страшный. Люди по нему на отдых пойдут, поедут. В душе их праздник должен быть. С самого начала. Мост, стало быть, будет началом этого праздника, – определился Адам.

– Дай Бог. Приятно слушать и уже хочется видеть это начало отдохновения души, – улыбнулся шеф. – Вас домой?

– Нет, здесь, в городе.

Адам решил заехать на квартиру к жене. Для чего, он не знал, но день своего возрождения хотелось бы отметить присутствием родного человека. Назвал адрес, и водитель без лишних слов зарулил по улицам города.

Он вышел из автомобиля на знакомой улице, прошёл через двор – и не узнал своего дома: весь первый этаж сверкал окнами продовольственного магазина, который теперь звался «Супермаркет». «Быстро-то как. Торопятся люди жить. Где только деньги берут?» – отвлечённо подумал Адам, но зашёл посмотреть – чего же нынче бывает из товара в такой красивой лавке. Здесь было всё, что только угодно ненасытной человеческой утробе, но Адам ограничился малым – печенье к чаю и любимые конфеты жены «Мишка на севере». На входе в дом увидел, как удивилась его появлению жена, посторонилась, пропустив его в прихожую, приняла гостинцы и так стояла, пока он снимал башмаки, и только потом вымолвила:

– Чего это ты надумал?

– Недалеко был тут, по работе, решил заглянуть. Не выгонишь? – с небольшой долей позёрства ответил Адам.

– Непривычно. Сколько лет уж ты здесь не был. Будто кто-то чужой ко мне пришёл, да ещё с подарками. Так, наверное, на свидание к чужим женщинам ходят. Приятно, но необычно. Собственный муж на свидание явился. Даже ноги дрожат. Может, это не ты? – вздёрнула плечи жена.

– Может, и не я. Но к тебе. Ладно, там разберёмся, кто и к кому пришёл. Я и сам ещё мало чего понимаю. Будто в кино – много всего сразу: люди, компьютер, город, река, вот и к тебе зашёл, чтобы убедиться – узнаешь, тогда это я, а прогонишь, значит, свихнулся. Белая горячка незаметно подкралась, и стало нас двое. Один там, на даче пьянствует, а другой по городу на шикарном авто разъезжает. Ты меня потрогай, вдруг пустое место, – предложил жене Адам.

Женщина протянула руку, ощупала его лицо, погладила по голове:

– Вроде как настоящий. Не оборотень, слава Богу. Приятная неожиданность. Но больше так меня не пугай. Не тот возраст, и от радости помереть недолго, – посетовала жена.

– А ты вправду рада? – оживился Адам.

– А разве не видно? Как школьница, к которой мальчик в гости пришёл, ещё и с конфетами. Уважил, сколько уж лет, как трепета по телу не пронеслось

Проходи, а то и впрямь будто влюблённые в коридоре застыли, – распорядилась оправившаяся от неожиданности хозяйка.

Потом Адам рассказывал о своём первом рабочем дне, о реке, о неожиданном желании увидеться, супермаркете, что обосновался на первом этаже дома, и казалось, что беседу ведут недавно встретившиеся люди, малознакомые – не звучали вопросы из прошлого, и только ещё совсем неизвестное будущее вырисовывалось в словах гостя, и хозяйка подтверждала его начало своим молчанием. Просто же лание встречи совпало с необходимостью поделиться своей радостью с родным человеком. Но эта радость была ещё незнакома им обоим и потому находилась вне их родства, разделяла отношения неизвестностью своего происхождения, была незримой. Она присутствовала где-то в пространстве, но этот объём ещё не стал постоянной величиной, чтобы срastить в нынешнем времени прошлое и настоящее. Он говорил, она слушала, пытаясь освободиться от старых мыслей, чтобы вобрать эту его клокочущую приятными новостями речь, но слова ещё только стучали в стену, возведённую ранее самим Адамом на пути понимания. Женщине, отягощённой совсем другими заботами, закрепостившими её разум на долгие годы, не верилось в наступивший перелом этого жестокого времени, где на боли разрыва рождается свет новых, совершенно чуждых её сомнениям событий. Она просто слушала и, конечно, чувствовала некое весеннее оживление окружающего мира, но старый страх отчуждения в нём удерживал её от безоглядного побега в наступающее будущее.

Но вот угомонились страсти и страхи, и они присели на кухне пить чай, но прежде Адаму вновь пришлось спуститься в магазин – в доме не оказалось заварки. Вторичное посещение маркета уже не вызвало резких эмоций, он по-другому взглянул на прилавки, ухоженных продавцов и нашёл ещё не совсем ясную прелесть для глаз в этом роскошном бреде человеческих соблазнов. Удержаться от покупок было невозможно. Красочные упаковки, банки и бутылки, готовые блюда в холодильных витринах вытягивали желание расстаться с последними деньгами и хоть на минуту почувствовать себя причастным к этому празднику довольства и беспечности. Но Адам сдержался – купил чай и, подумав, что время уже давно обеденное, взял прикопчённую курицу и необычный салат, украшенный зеленью так, будто она проросла на блюде среди необычно ярких овощей. На большее он не решился, понимал – праздник праздником, но жить надо будет и дальше, а денег не хватает всегда. С этими съестными припасами он и появился вновь в квартире жены. Она пожурила его за транжирство, но мысленно с удовольствием отметив, что алкоголя он не прихватил, быстренько соорудила стол, и они принялись за курицу и салат. Появилась какая-то новизна в их отношениях. Может, оттого, что встреча проходила в городской квартире, где Адам давно не бывал, и, наверное, от неожиданности самого появления здесь и от новостей первого рабочего дня, создалась обстановка маленького торжества, искорки которого мелькали в глазах, сквозили в движениях и словах. Адам шутил, подкладывал салат, отрывал от курицы кусочки белого мяса и потчевал жену. Потом пили чай с печеньем и конфетами, и напряжённость неожиданной встречи улетучилась. Это был прежний Адам и его милая жена, которые всегда любили такие вот семейные чайные посиделки.

Ночь оказалась просто счастливой. Такая глубокая нежность овладела мыслями Адама после искренних ласк супруги, что он, разомлев от необычности происходящего, крепко заснул, ощущая рядом тепло, исходящее от родного существа.

Проснулся среди темноты, разбуженный новым желанием объединения, и так растормошил жену, что она потом долго не могла уснуть, мягко обнимала его грудь и прижималась разгорячённым лицом к плечу.

Утром он тихонечко выпростался из-под одеяла, чтобы не разбудить чему-то улыбающуюся во сне супругу, долго купался под душем, с нежностью вспоминая страстные ласки, которыми его одарила ночь, и небывалый покой разливался тёплой водой по телу. Теперь ему совсем не хотелось теряться в любой жизни – новой, старой, непонятной и очень скорой как на расправу, так и на совершенное безразличие к любому человеку, оставшемуся не у дел, да и к бывшим кумирам тоже. Желание выказать свою полезность в формации любого общественного строя пришло к нему сегодня утром. Оно лишний раз доказывало всегдашнюю зависимость воинственного мужского тщеславия от мелочного женского эгоизма – вы к нам с лаской, мы к вам с подвигами. От этих мыслей Адам становился крупнее, прямо тут на своём месте он отвоёвывал утраченное пространство – ему поверили, и без всякой хитрости было принято решение оправдать доверие всех, кто ему верит.

Пока Адам ехал на троллейбусе на место службы, его мысли сместились к студенческим годам. Вспомнился старик-сосед, с которым они проводили за беседой долгие зимние вечера. Места человеческого присутствия или, как правильно определил Николай Александрович (именно так звали соседа) – места времяпрепровождения и красота этих полей, лесов и, конечно, рек, наполненные событиями или просто дикие, где редко появлялся человек, представляли темы разговоров двух совершенно различных по возрасту и знаниям людей, но объединённых желанием слушать и рассказывать. А повествовать сосед умел витиевато, но доходчиво. Он подарил Адаму несколько своих книг, написанных в разное время, из которых читатель узнавал о жизни автора – его путях и дорогах, сомнениях и людях, встреченных им в скитаниях, в местах радости и скорби. По прочтении книги возникали вопросы, и беседа превращалась в новое толкование старых событий. Образ нынешний – стариковский не совпадал со словами на страницах книг и требовал защиты смелого и дерзкого прошлого, временем которого эпоха щедро наделила Николая Александровича. И когда он светлыми юношескими глазами всматривался в начало грохота мировой революции, участие в которой объединило народы и людей, врагов и созидателей власти коммунистов, тогда многое представлялось иным по своему содержанию и ценности поступков в происходящих событиях.

Будучи сыном священнослужителя, молодой парень Николай оказался неуютен новой, безбожной власти и угодил в колымский лагерь, где провёл восемнадцать лет, вплоть до начала Великой Отечественной войны. Когда стали набирать в зонах людей в штрафные батальоны, на фронт добровольно ушли многие заключённые – погибнуть на войне за свою многострадальную родину бывшие враги народа почитали честью. Они шли искупить свой первородный грех, а точнее, грех родства с прошлым миром, за который они расплачивались долгими годами забвения за колючей проволокой. Но Родина осталась для них неизблемым понятием родного пространства, где возле той реки, того камня, что были видны из окон самого тёплого и светлого в мире дома, в котором утренние лучи будили радость действия и куда устремлялись теперешние мысли измождённых большевистской каторгой людей, и там шла война с супостатом, решившим надругаться

над памятью Отечества. Идти на войну с захватчиком было честью, целью, и воевать даже под дулами пулемётов заградотрядов не считалось неволей. Бились отчаянно и смело. Враги народа и уголовники плечом к плечу встречали врага – кололи, стреляли, крыли матом, душили голыми руками. Отчаявшиеся люди дрались за последнее своё достояние – принадлежность к своей земле, своей Родине, своему народу. О таком малоизвестном подвиге воинов, для которых свобода страны и народа оставались святым чувством, невзирая на обиды, унижения и муки, вынесенные от чуждых управителей советского государства, от рождённой революцией чужеродной власти, рассказывал Адаму сосед. Говорил он доверительно, будто перед ним находился человек, умудрённый житейским опытом, а не студент строительного института. Он всегда разговаривал с Адамом как с равным, протягивал через огромные расстояния – целую жизнь – слова, уже немного отверженные в новом времени, наводил пока ещё очень зыбкую переправу между прошлым и будущим, переводил через этот мост свои знания и боль, живущие в нём и наполнявшие мощной энергией каждое слово, обращённое к собеседнику, а в его лице к юному поколению. Он старался успеть, этот благообразный старик, пришедший из революций, войн, злосключений и заключений, добрый, смелый и умный, воплотивший в себе думы и чаяния своего поколения. Он понимал, что нельзя растерять огромное богатство русской истории – настоящей, без фарисейства и ереси жидовствующих, уберечь правду минувших событий от неслыханной лжи большевистских историков. Вечера бесед, время которых так щедро дарил Адаму сосед, не прошли даром, и он навсегда остался благодарен Николаю Александровичу, научившему ценить быстро уходящее время, а главное, критически относиться к прошлым и настоящим событиям. Не критиковать огульно всех и вся, но вникать в сущность происходящего. Не судить, а понять, как судей, так и осужденных...

Программист уже ожидал своего ученика, и они прошли в кабинет. Урок начался с повторения вчерашнего материала, потом перешли к новым достижениям тайн компьютерных чудес. Адам путался только в начале новых заданий, а вскоре сам рисовал отдельные детали будущего моста. Так, на всякий случай. Проект проектом, а своё видение моста хотелось обустроить заранее. Предугадать конструкцию сооружения обязан настоящий строитель-профессионал, обладающий воображением художника. Учитель давно ушёл, а Адам всё сидел у компьютера, создавая виртуально свой первый постперестроечный мост. Он перекидывал его несущую поверхность от конца своего прошлого, живого участия в жизни и до начала возрождения в ней из пустых, как долгое похмелье, дней. Никак не получались береговые опоры моста – не сама углублённая в землю бетонная их часть, а верхняя, видимая, которой нужно было придать очертания некой лёгкой новизны. И тут Адам вспомнил сон про радостного исполина – Атланта и стал изображать на своём проекте из сложных сплетений металла двух великанов, передающих из рук в руки, с одного берега на другой, несущую часть моста. Работа так увлекла его, что он не слышал, как вошёл шеф, встал за спиной, и даже вздрогнул, услышав:

– Что это у вас за сооружение?

– Будущий мост, – ответил Адам.

– Тогда зачем наш проект? Мне кажется, ваша конструкция живая. Она действительно может быть построена именно такой? – он указал пальцем на рисунок.

– Да, она будет построена. Но проект нужен. Изменить его мы в процессе работы можем, нужно только обосновать все перемены, а начинать сооружение моста без государственного проекта не имеем права, – Адам поднялся. – Не знаю как сейчас, а раньше преобразования в проекте отнимали уйму времени.

– У государства нынче совсем другие проекты, а наши бумаги готовит частная фирма. Заплатим, и они утвердят ту конструкцию, которая нравится нам. Вы работайте. Делайте свои расчёты от начала и до финиша, от одного берега к другому. Сегодня вам дома установят компьютер, и создавайте свой проект. На работу вас вызовут. Нужен будет программист, звоните, – отрывисто и кратко выговаривал шеф, но потом мягко спросил. – Ну а вообще-то как дела?

– Вашими молитвами, – почему-то ответил Адам.

– Рад, что мои молитвы помогают вам благополучно жить, – улыбнулся шеф. – Я думал, пожалуетесь на недостаток внимания, а вы довольны малым. Это хорошее свойство, редкость нынче. Раньше не было свободы, не хватало денег, но люди пели, веселились, дружили. Сейчас можно заработать, говори, что хочешь, поезжай, куда желаешь – хоть в Австралию, но тоска в глазах сограждан неизбежна, будто жизнь закончилась и продолжается лишь за неимением лучшего выхода. Как вы думаете, будет ли найдено средство от нынешней всенародной депрессии?

– Лекарство одно – работа. Но человек должен не только трудиться, а видеть результаты своего труда. Участвовать в созидании, тогда и наступит покой в мыслях, а это важное условие благополучного бытия. Деньги не приносят радости, если нет уверенности, что они честно заработаны. Понимаю, звучит наивно, но вполне правдиво, и все это знают. Ваша фирма выдала мне аванс, и уже сейчас хочется эти деньги отработать. Жить по-другому противно человеческой природе. Халявные блага порождают беспокойство души, – Адам вздохнул, будто жалел о взятых вперёд деньгах.

– А отдых разве не нужен человеку?

– Отдых нужен, но не надо это радостное состояние путать с бездельем, особенно вынужденным. Дарвин говорил, что труд превратил обезьяну в человека. Он ошибался. Человек сошёл на землю человеком – изгнанником. Он был наг, изнежен и неспособен к созиданию. Отец Небесный в слепой любви к своим чадам не озаботился приучением их к труду. В раю они жили на всём готовом, а гнев Божий был непомерен и скор, и в мгновение ока первочеловеки оказались без родительской поддержки, без познаний земной жизни – были брошены на произвол судьбы, на выживание. В дальнейшей судьбе людей были и пещеры, и шкуры, и допотопные орудия труда. Теперь, когда многие изобретения человеческого разума существуют и помогают жить, остаётся помнить о прошлом, как о трудном детстве. Жизнь – мгновение, и она даётся для того, чтобы за это время успеть стать человеком. Почти по Дарвину.

– Откуда познание философской темы у закоренелого технаря? – подивился собеседник.

– Период моей депрессии закончился, но мысли, сопровождающие время застоя, остались, и хочется от них скорее избавиться. И потом, в жизни вольно или невольно встречаешься с разными людьми. Все они одиноки, но каждый по-своему расходует дни и годы. Одни враждуют с себе подобными и к концу жизненного срока уже готовы в ад – пособниками сатаны, другие же сочувствуют слабостям

и бедам рядом живущих, стараются помочь, забывая о своих потребностях, говорят добрые светлые слова назидания, не обращая внимания на насмешки окружающих, идут путём, завещанным святыми отцами. Редко кому в жизни удаётся войти своими делами в пространство истории, и нет горше сожалений, чем слёзы о прошлых неудачах. Но всегда остаётся время, чтобы осознать, что достойней быть человеком, нежели непотребной скотиной, – Адам замолчал, как бы выдохнувшись от высказываний.

Малознакомому человеку могло показаться, что говорящий рисуется учёностью перед своим начальником, но убедительность слов позволяла надеяться на их неслучайное рождение, необходимое для раскрытия темы разговора. Истинность произносимых слов подтверждалась искренностью их произношения.

Адам не пытался никого удивить, такие мысли были заложены его добрыми родителями, продолжены прожившим нелёгкую жизнь соседом-писателем, книги которого он до сих пор хранил и перечитывал. Судьба доброго соседа, Николая Александровича, подвигала к образу порядочности. Пройдя в своё время многие адовы круги, он не испытывал зла даже к своим мучителям и учил терпению в желании почувствовать радость от деяний добра. Адам жалел лишь о том малом времени жизни, что он успел посвятить встречам и беседам с мудростью человека, не скрывавшего помыслов и оборачивающего прошлое отнюдь не звериным лицом большевизма, но редкостными по нравственной совестливости судьбами людей, хранившими в себе бесценный дар созидания духовного мира, продолжая традиции культуры своего народа.

Николай Александрович умер неожиданно, нежданно. Ещё вечером прошлого дня они с Адамом пили на кухне чай, и он рассказывал о далёкой Франции, Париже – русской эмиграции, проживающей там долгие годы, читал выдержки из писем тамошних друзей. Содержимое писем, написанных настоящим русским языком, поражало поэтичностью и необъятной тоской, и скудными сообщениями о пишущих эти строки. Больше вопросов, как там у нас? Это «у нас» трудно понималось тогда, но сейчас уже не вызывало сомнения в условной принадлежности целого поколения эмигрантов к родной земле. И вот соседа не стало.

До обеденного времени Адам изучал в институте науки, а когда вернулся домой, то в подъезде встретил людей, странно непохожих на жителей ближайших городских кварталов. Осенняя погода облачила их в длиннополые тёмные плащи, шеи кутались в чёрные кашне, а на головах строго сидели мрачного цвета шляпы. Благородные лица, кое у кого обрамлённые аккуратными бородками, были грустны, а отсутствующее выражение глаз говорило о безразличии их отношения к жизни в обществе равных возможностей. Они пришли проводить в последний путь одного из своих малочисленных друзей, только сейчас покинувшего время, которое никогда не возвратится. При виде этих людей, неловко толпящихся на площадке перед квартирой соседа, Адам сразу понял – произошло непоправимое событие.

Войдя в квартиру мимо вежливо посторонившихся в коридоре людей, Адам увидел своего доброго соседа лежащим в гробу с видом человека, задремавшего среди суеты, образовавшейся вокруг. У ног покойного читал молитву священник, вдоль, на стульях, сидели пожилые женщины в шляпках с тёмной вуалью, ниспадающей на лицо. Посадка голов, позы прямых спин, даже на обшарпанных табуретах, смотрелись красиво-строго. Их скорбные фигуры казались изваяниями, перенесён-

ными сюда из прошлого, для соблюдения старой традиции в новой жизни. Адам растерялся и от волнения застыл столбом, не отрывая взгляда от лица покойного. Ему не верилось в смерть человека, ставшего единственно близким в последнее время, как не верит в горестные события юность. Он очнулся, когда почувствовал на своём плече прикосновение руки и, обернувшись, встретился со светлым взглядом пожилого мужчины, сочувственным и в то же время ободряющим.

– Молодой человек, пройдёте в коридор, не следует так переживать, покойный прожил достойную жизнь, и должно помолиться о его прекрасной душе, а образ его будет помниться многим и всегда. А вы давно знали Николая Александровича?

– Я сосед. Живу этажом ниже и лишь вчера мы пили чай на этой кухне, – показал рукой на кухонную дверь Адам.

– Вот видите, вы успели с ним последний раз поговорить. И это хорошо. А я только собирался приехать, откладывал и, как видите, опоздал. Долгие годы мы провели вместе и воевали в одной части – он был ранен под Прагой, а я уже в Берлине. После войны нашли друг друга, встречались нечасто, но эти редкие соприкосновения наших душ дарили столько радости, что вся остальная жизнь казалась пустой тратой времени. И вот не успел, не думал, не ждал. Впрочем, вы мне расскажете о его последних днях. Вы можете пообещать мне такое откровение? – мужчина заглянул в лицо Адама.

– Конечно, мы можем зайти ко мне, – пригласил Адам.

– Я сделаю это позже. Ещё о многом нужно распорядиться. А вы ступайте, юноша. Не стоит так переживать в начале жизни. Хотя без страданий век человека глух и слеп. Похороны состоятся завтра, ждём младшую сестру Николая. Она живёт в Париже и хочет проститься с братом, которого не видела много лет. А вечером мы обязательно встретимся, – мужчина пошёл навстречу выходящим из двери дамам.

Адам спустился по лестнице, вошёл в кухонную комнату своей квартиры, присел к столу. Он ощущал пустоту в голове, сердце, душе. Осознавать происшедшее несчастье не хотелось, не могло, и не удавалось оправдать недосказанность, недоговорённость самых лучших слов. Он всегда мысленно готовился к встречам с мудростью соседа. Старался подготовиться к теме беседы и всегда держал в памяти окончание предыдущих дискуссий и повествований. Он не жалел, что самому редко удавалось блеснуть интеллектуальной прозорливостью – сосед заранее предугадывал вопросы и отвечал на них в своих диалогах. Не имея нужды говорить о своей короткой жизни (Адам при первых встречах рассказал всё, что сохранила память), он учился слушать. Обнаружить в себе такое редкостное умение сложно (не оттого ли говорливые люди глупы), но повествования рассказчика с каждой их встречей становились всё интересней, и Адам очень скоро привык к собственному молчанию. И теперь, сидя на стуле, опершись локтями на стол и подперев отяжелевшую голову, он молчал, вникая в начинающееся одиночество своих мыслей. Он припомнил слова о прекрасной душе покойного, сказанные другом Николая Александровича, и неожиданно для себя понял, что мир должен повториться в своём былом прекраснодушии или исчезнуть.

Поздним вечером в квартире Адама появились гости – степенные, пожилые люди. В своих тёмных одеяниях они были очень похожи меж собой, и даже когда оставили головные уборы и верхнюю одежду в передней, впечатление схожести

лиц, движений осталось. В них виделись те самые древние корни выращивания человека от дикости к благородству Господнего происхождения, до узнавания самого себя в Боге-отце. И даже жестокость революции, изгнание и лагеря не смогли изменить облик поколения, впитавшего в себя разум доброты и смелость красоты целого народа.

– Простите, – обратился к хозяину уже знакомый по короткому разговору в квартире почившего соседа мужчина. – Я пришёл к вам, и не один. К сожалению нам негде ночевать, и я подумал, не согласитесь ли вы приютить нас на пару дней?

– Не знаю, – волнуясь, ответил Адам. – У меня только одна кровать и диван. Но я могу спать на полу, – тотчас согласился он.

– Ладно, там будет видно, кого положить на пол, – улыбнулся вопрошающий. – Позвольте пройти? – Адам смущённо посторонился, поняв, что держит гостей в коридоре, загораживая проход.

Попросив прощения, мужчины по очереди привели себя в порядок в ванной комнате – умылись и причесались. Хозяин поставил греть чай, подвинул к дивану журнальный стол и начал доставать съестные припасы из холодильника. Гости тоже опорожнили принесённую с собой сумку, и на столе появились хлеб, сыр, колбаса и пузатая бутылка коньяка.

– Поминать нашего друга ещё рано, но можно выпить за его бессмертную душу и, наконец, познакомиться.

Они выпили и немного закусили.

– Петр Афанасьевич, – представился мужчина. Подбородок его лица окаймляла светлая от седины борода. – Проживаю милостью Божьей в Питере, служу по линии железных дорог.

– Всеволод Парфёныч, – приподнялся другой гость. – Коренной москвич. Пенсионер, но преподаю в университете гуманитарные науки.

– А я Василий Денисович, – подал руку уже знакомый человек. – Мы все пенсионеры. Но служим, потому как скрывать свои знания от молодого поколения – тяжкий грех. И я тоже преподаю в месте своего обитания – в Курске. И хотя наше прошлое не совсем нравится чиновникам системы образования, но знания неподвластны политике и времени. Да и война изменила мнения о пользе многого и многих. Нет, я вовсе не благодарен безумию войны, но она заставила по-другому оглядывать простые вещи и раздала каждому по его заслугам. Не считая погибших – они все достойны светлой памяти, и оставшиеся в живых должны быть вдвойне полезны обществу. А как же зовут нашего хлебосольного хозяина?

– Адам, – он привстал по примеру старших. – Учусь строить мосты.

– Неужели? – воскликнул Петр Афанасьевич. – С самого рождения проживаю в городе на Неве, созданном из мостов и переправ, но никогда не встречался с создателями этих чудных сооружений. А вы сами уже участвовали в строительстве?

– Только теоретически, практика начнётся в будущем году, – виновато объяснил Адам.

Ему показалось, что он сильно отстал от участия в движении прогресса, как от всего долгого времени созидания этого мира.

– Построите, обязательно построите! Много замечательных по красоте замысла, парящих над водной гладью мостов. По ним пройдут люди, машины, и

каждый будет благодарить мастера, давшего им возможность не только прибыть в пункт своего назначения, но и насладиться прогулкой над красотою больших и малых рек.

Адам сидел, не поднимая опущенной головы, ему нравилась поэзия в словах старого петербуржца, но скромность не позволяла воспринять сказанное отношением к своей маленькой персоне, и он справедливо считал, что рано принимать похвалы с открытым лицом, – ведь ещё ничего не сделано, чтобы можно было восторгаться собою.

– Адам, а вы поведайте нам о себе. Не то мы разговоримся, и ночи не хватит для жизни слов наших воспоминаний, – после обсуждения строительства мостов, пока виртуальных, но уже не уступающих по красоте сооружениям петровского времени, и некоторых бесед о качественном состоянии образования и железных дорог попросил москвич Всеволод Парфёныч.

Адаму не нравилось рассказывать о своей жизни. Он много читал и, узнавая о судьбах великих людей, чувствовал малозначительность собственного избранного пути, но как человек мыслящий понимал, что существует некое предназначение в жизни, и должно пройти эту дорогу от начала до конца. Он находился в первых шагах движения на стезе к созиданию огромного, как ему казалось, пространства своей жизни. Не хотелось торопить события. Ответишь на вопрос о рождении и вхождении в зрелость, тогда обязательно спросят – а что будешь делать дальше? И он бесхитростно отвечал – строить мосты. Другие вопросы после такого ответа становились бессмысленными. Раз человек решил посвятить свою жизнь сооружению мостов, значит, он не будет менять решения, это же не мечта о полёте в космос, где всё очень неопределённо. Но этим вечером появились совершенно необычные условия для душевного откровения – на Адама смотрели три пары глаз, ожидающих не простого рассказа о себе, а содержащих в себе желание услышать в повествовании о жизни молодого человека, успевшего лишь определить свой путь в созидании мира, услышать звуки воскрешения духовного сознания поколения, вступающего в жизнь своей страны. Они, эти люди, чьи глаза теперь глядели на студента Адама Сынебожьева, без остатка положили свои жизни на алтарь Отечества, объявлялись врагами народа, грудью становились на защиту своего народа и сами были плотью и кровью народа, его честью и совестью.

Адам рассказал про жизнь родителей, ровно настолько, как смог её понять в юном возрасте и додумать предназначение приёмных родителей уже потом, когда их не стало. Он желал раскрыть неожиданным, но сразу ставшим очень близкими людьми гостям добрейшую душу стариков, подаривших ему светлое, памятлиное на ласку и щедрое на добрые слова детство. Окончание своего рассказа он подвёл к беседам с Николаем Александровичем. Хвалил человеческие качества, ясность слов, нестрогие поучения к жизни и даже умение заваривать вкусный чай. Ему казалось, что гости и пришли послушать о последних днях своего покойного друга, и старался вспомнить всё, связанное с памятью соседа. Вечерние прогулки и ночные посиделки, разговоры о книгах и писателях, прошлом и будущем, космосе и земле. Он боялся ответственности за потерю мгновений памяти, очень дорогих для этих убелённых сединой людей, и когда кончились слова, окрашивающие внезапно закончившиеся события, он сник, будто сбросив груз части своего бытия. Он понял, что рассказал о целой эпохе своей теперь уже минувшей жизни, и горечь этой утраты полоснула распахнутую навстречу

слушателям душу, и Адам совершенно неожиданно для себя зарыдал. Громко, безутешно, встряхиваясь от неожиданности слёз и невозможности остановиться. Оплакивалось сразу всё: растаявшее в тепле родительского дома, в тихой прелесть безмятежных дней крылатое детство, безвозвратный уход любимых людей, пролетевшая незаметно юность, отлетевшая к Господу светлая душа доброго друга и прозрение наступающей зрелости. Слёзы омывали лицо и сердце Адама и очищали что-то бестелесное, нарождающееся в его груди, под всепонимающими взглядами людей, совсем не случайно, а по чьему-то Вышнему соизволению попавших на горький праздник рождения трепетной и сострадательной души. Ещё и ещё вздрогнув плечами, глубоко вздохнув, Адам поднял просветлённое слезами искренней печали лицо и, извинившись перед гостями, ушёл умыться. Вернувшись к столу, он не услышал слов сочувствия, просто настроение гостей переменилось, в движениях появилась неторопливость, в глазах задумчивость. Уже не чувствовалось неловкости, никто не тяготился присутствием в чужой квартире. Рассказ Адама породнил души присутствующих, создал атмосферу преемственности – семьи, где старшие всегда с благодарностью выслушивают откровение младших.

– Простите нас, юный друг, – нарушил безмолвие Василий Денисович, – за наше молчание, но ваши воспоминания потрясли нас своей искренностью и теплом, что каждым словом согревало наши утомлённые сердца. Признаться, мы давно не слышали такого откровения любящего сердца, и по-стариковски не верим, что юность так светла в своих помыслах. Но мы рады, что ошибались, и эта радость – лучшее чувство, которое мои друзья испытали за последнее время жизни. Бывает, за целую жизнь, даже вполне благополучную, человек вбирает в себя всю мерзость окружающего мира и к старости лишь изрыгает злобу и ненависть к живущим рядом. Но когда молодой человек может с такой нежной теплотой воссоздать радость детства и юности и соединить это чувство с любовью родителей, учителей и просто окружающих его в тот период людей, такая добрая памятьливость будет оберегать его от сатанинских соблазнов все, дай Бог, долгие годы всегда нелёгкой жизни.

– А почему, всё-таки, жизнь всегда нелегка? И больше всего такой вопрос вправе задать себе хорошие, добрые люди, – спросил, желая разъяснения по следним словам гостя, Адам.

– Трудный вопрос, как и сама жизнь в добре. Дело в том, что Господь не старается облегчить жизнь своих детей, как и все добрые родители. Как мудрый отец, Он закаляет земных чад трудом и испытаниями, наполняет светом страдания их души, чтобы принять их в объятия по окончании горестного земного странствия. Сатана предлагает лёгкую жизнь. Наполняет её соблазнами и широко открывает ворота ада для заблудших душ, прельстившихся телесными благами. Выбор всегда есть: хочешь лёгкой жизни – поступай против Господних заповедей. Будешь твёрд душой – останешься человеком, Божьей радостью на земле. И Господь воздаст. Будешь без хлеба сыт и без музыки весел. Мы испытали Господние чудеса и глубоко верим, что без Вышней воли ничего в жизни не случается. Если слаб свет Господней милости в душе – иди, дьявол тебя пожалеет, но помни – ненадолго. Любовь Господа – это сила, которая навсегда. Но хочу предупредить тебя, юноша, ничего в этом свете просто так не происходит. И данная тебе фамилия обязывает нести свет Господень людям, пребывающим во мраке неверия. Как

ты это сделаешь – неисповедимы пути Господа. Дай-то Бог, чтобы исполнился этот путь и наполнился Господней славой. Аминь, – пожилые мужчины встали и перекрестились на отеческие иконы, стоящие на книжной полке. – А ещё, сынок, не питай злобы к делающим тебе недоброе. Все они рабы, кто хозяину верно служит, кто от слабого ума, а кто душу дьяволу продал. Не потакай своим и чужим слабостям, мерзостные деяния быстро душу опутывают, трепещет в этой паутине душа человеческая и погибает навеки. Не можешь справиться с врагами Господа – отойди в сторону, но не забывай о них, копи силы для будущей победы. Задуманное исполняй тотчас, не оставляй на потом. Может, другого времени не случится вовсе, и ещё – умеи радоваться малому достатку и не мечтай о богатстве. Прости, что наставляем тебя. От радости, что ты нам встретился. Коли из сотни молодых людей двое будут похожи с тобою мыслями о прошлом и грядущем, то можно будет, нет, не повернуть время вспять, а твёрдо знать о будущем продолжении культуры и традиций нашего народа. Великого народа.

Утром, поднявшись ото сна, Адам приготовил чай, выставил на стол остатки ужина и пошёл будить гостей – они просили ранней побудки. Войдя в комнату, он удивился – его гости уже чинно сидели на диване и шёпотом переговаривались меж собой.

Днём Адам занимался науками в институте, а вечером провёл некоторое время у гроба Николая Александровича. Позже состоялась его встреча с сестрой покойного. Ничего французского он в ней не обнаружил, хотя и слабо представлял знаки отличия между нашим и заморским миром, а увидел одетую в тёмное платье, с повязанным на голову чёрным платком, очень печальную женщину, что растерянно глядела на лежащего в гробу брата, прижимая попеременно кончик платка к уголкам глаз. Горе омертвило её лицо, и лишь глаза горели синим светом опустошённости мира, непоправимости потери. Этот свет пронзительного несчастья наполнил комнату сразу же после появления этой маленькой женщины у изголовья покойного и вызвал взволнованный шёпот искреннего сочувствия собравшихся здесь людей. Ни рыданий, ни обморока, только мелкое дрожание руки, что поглаживала выбеленное смертью лицо брата, и наполненный горестной мукой взгляд. Потом она присела на табурет, сжалась в маленький тёмный комочек и так оставалась в своей печали, не обращая внимания на сменявшихся у гроба людей. Уже ничего не существовало для неё в давно потерянном мире минувшей жизни, и последняя связь обрывалась с потерей родного человека. Она совсем ребёнком была вывезена во Францию и знала о своей родине по письмам брата, его фотографиям, книгам, и ничего более не объединяло её с прошлым, далёким временем, когда даже имя её звучало по-другому, и голоса, произносившие его, звучали добрее и мягче. Мари и Маша в буквенном сочетании создавали небольшое различие, но при произношении различились так глубоко, что иногда во сне она слышала, как из каких-то необычно светлых просторов полей и лугов её зовут невидимые глазам люди именем звучным и нежным, как само только-только вспоминающееся детство. Тогда она просыпалась и плакала, и эти слёзы, мучительно-сладкие, становились откровением самой к себе, её нынешней жизни к прошлому. Почему это происходило, она не понимала и не задавала себе таких вопросов. Но теперь, сидя рядом с телом умершего брата, она понимала, что это его слова, рассказывающие в строках писем о неведомой стране и душе её народа, обращались видением снов и ласковыми звукосочетаниями имени.

того имени, которым он называл её в своих письмах. От этих мыслей туманился взгляд и расплывались очертания смерти и существования. И когда утром Адам зашёл в скорбную тишину соседской квартиры, он увидел всё ту же маленькую, печальную женщину, в одиночестве сидящую в изголовье покойного брата, углубившись в мысли об утрате последнего родства с милыми сердцу именами, словами – родиной.

Следующий день прошёл в хлопотах. Адам тоже помогал чем мог. Ему пришлось выносить гроб с телом покойного, и это была для него особенно тягостная повинность. Некий, не физический, груз давил на плечо, он пошатывался под этим гнётом, но когда гроб погрузили в катафалк, ощущение той тяжести не проходило. Адам осунулся, согнулся, стал ниже ростом, и так согбенной, похожей на старческую фигурой замер у вырытой могилы, откуда священник читал молитву над телом покойного. Когда гроб опустили в яму и стали забрасывать комьями земли, его било внутренней дрожью, потом полились слёзы, всё кругом затряслось, перед глазами запрыгали тёмные пятна, и кто-то из провожающих отвёл его к автобусу, где холодной водой ополоснули лицо, дали попить, и он немного успокоился – впал в бессознательную прострацию. Ему казалось, что он в одиночестве бредёт по снежной пустыне в сторону, где виден яркий свет и звучит молитвенная музыка.

На поминальном обеде Адам чувствовал себя неудобно – мало кушал и ничего не говорил, но добрые воспоминания людей, присутствующих на тризне, о жизни покойного, её свершениях в святом подвижничестве творческого труда, порой безнадёжного, но творимого не для славы, а только ради надежды на любопытство в умах будущих поколений в чреде узнавания событий прошлых дней, захватили его доверительностью слов, и он понемногу начал приходить в себя от неожиданного душевного потрясения.

Вечером после дня похорон постояльцы Адама не появились, но на следующий день, когда он вернулся домой из института, пришла сестра Николая Александровича и пригласила к себе, пить чай. Он тотчас поднялся в квартиру соседа, где за накрытым столом сидели знакомые мужчины и две женщины в траурных одеждах. Они вполголоса вели беседу, а когда Адам присел к столу, засуетились, подвигая ближе к нему печенье, кусочки пирога, конфеты, наливая чай. Адам, чувствуя на себе внимание присутствующих, оробел, ему казалось, что надобно что-то сказать, но о чём, не ведал, и эта неопределённость сковала движения и, сложив руки на коленях, он мучился поиском необходимых слов. Выручила хозяйка, когда обратилась к нему: «Адам, – позвала его к вниманию, непривычно делая ударение на первом слоге. – Мне поручено огласить завещание, написанное моим покойным братом, в присутствии его близких друзей и родственников». Потом она, с небольшим иноязычным акцентом, долго читала казённую бумагу с пропускающими сквозь неё гербом и печатями, где почему-то наряду с именем соседа упоминалась фамилия Адама. Чтение закончилось, и тогда, переданный с другого конца стола от рук Марии Александровны, перед Адамом лёг уже озвученный документ. «Я рада, что всё так славно разрешилось, – продолжилось теперь уже самостоятельное обращение хозяйки. – Мой брат сделал правильный выбор. Вы молоды, вся ваша жизнь впереди, и мы будем рады, если этот маленький подарок поможет вам в свершении своих благородных помыслов. Николай Александрович оказался прозорлив и в последних своих пожеланиях. А вы, юный друг, прини-

майте хозяйство во владение». «Какое хозяйство?» – так ничего и не понял Адам. «Эту кооперативную квартиру, после своей кончины, Николай Александрович завещал вам. Для чего и составлена бумага, лежащая перед вами, заверенная нотариусом», – с улыбкой разъяснила сестра. «Но у меня есть квартира, зачем мне вторая?» – недоумевал наследник. «Погодите, прошу вас, – перебил слова и раздумья Петр Афанасьевич. – Я, как житель Питера, повидавший в жизни немало мостов, как пешеходных, так и железнодорожных, знаю, что на одном из берегов переправы мир видится несколько по-иному, чем на противоположном. Давайте-ка пить чай и за беседу, не спеша, двигаться к тому берегу, где перемены в нашей жизни станут ясны и понятны».

...Как честно считал Адам Сынебожьев, попал он в новую, послеперестроечную эпоху случайно, прицепившись к последнему вагону состава, скоро бегущему по рельсам без семафоров и машинистов на путях движения, никого не удивив и не обидев. Никто не знал, чем этот период в жизни страны закончится. Учёные политологи строили разноречивые прогнозы, колдуны страшали безднами ада и сулили доверчивым гражданам избавление от несчастий за приличную мзду, а народ жил, оглядываясь на прошлое, не браня прошедшее время, привыкая к волчьим законам рыночной экономики, где потребности одних оказались громадны, а способности других позволяли лишь надеяться на собственные силы и случайный кусок хлеба. Законы, работавшие в прошлом, безнадежно отстали от действительности, и мир вокруг, погрузившись в хаос, уже начинал принимать очертания конструкций новой формации, зыбко дрожащих новорождёнными формами среди руин брошенной на произвол политических жуликов великой страны. Искромсанная в клочья страна поднималась новыми государственными образованиями, народ начинал работать, понимая тщету своего душевного протеста неприятия перед алчущей пастью нежданно нагрянувшего капитализма. Так и Адам по прошествии половины жизни начинал учиться работать в условиях не очень ясно проступающей надобности своего труда. Он не мог определиться в мыслях, после безутешных мечтаний, размышлений о прошлом и будущем, попал ли он велением судьбы в цель, получив работу по специальности, тогда как народ прозябал на вещевых рынках, и не знал, как относиться к этому позывному удачи, услышанному им из телефонной трубки. Но удача уже обретала черты главных конструкций моста и, как и раньше, в мыслях перебрасывалась с одного берега реки на другой. Для Адама же из небытия – в жизнь.

Вернувшись на дачу, на машине шефа, вместе с компьютером и программистом, Адам позвонил жене и предупредил, что будет занят разработкой проекта моста, а заодно и отдохнёт от тяжести потрясений, выпавших на его ещё не совсем окрепшую голову, обессиленную временем депрессивного безделья и пьянства. Установив модель электронного разума на столе, специалист подключил его к сети, играючись, прошёлся пальцами по клавишам и, пожелав успехов ученику, отбыл в город. Адам вслед ему присел за стол, нашёл программу с началом виртуальной конструкции моста и так увлёкся продолжением работы, что не заметил, как за окном наступили сумерки. Почувствовав томительную усталость глаз и лёгкий шум в голове, сохранил набросок объекта, созданный человеческим воображением, в памяти умной машины, встал, потянулся до хруста в суставах и пошёл на кухню, поискать чего-нибудь поесть. Еда в холодильнике нашлась, но хлеба не оказалось, и Адам решил навестить соседа-профессора, зная о его всегдашней

хозяйской запасливости. Дома соседа не оказалось, но двери были открыты, что было совсем не в правилах хозяйского быта. Уходя, тот всегда запирает и ворота и двери дачного дома. Теперь же повсюду угадывался необычный беспорядок, нежилое запустение. Обрывки бумаги валялись на чистой, посыпанной песком садовой дорожке. Адам поднял пару листочков и, прочитав отрывки предложений и слов, понял, что у него в руках клочки разорванных писем, и он сразу, ещё ничего не ведая в происшедшем, испугался этих новостей. Дверь в сарай, где хозяин хранил садовый инвентарь, тоже была приоткрыта. «Может, здесь побывали воры», – подумал он и, ухватившись за показавшуюся ему спасительной мысль, направился к сараюшке, надеясь там отыскать хозяина. И отыскал, но в таком виде, что выскочил назад, будто ошпаренный кипятком. От увиденного его прошиб пот, смешались мысли, всё кругом показалось никчемным, безобразным. В помещении сарая, полутёмном и полупустом, в прилаженной к потолочной стрехе петле, вытянувшись во весь свой невеликий рост, едва не доставая ногами пола, висел хозяин дачи. В сумеречном свете проникавших через окно лучей предзакатного солнца это зрелище было особенно зловещим, и Адам, не решившись более заглянуть в сарай, побежал звать на помощь людей. Соседи собрались быстро, но действовали вяло, как казалось Адаму. Наконец, сняли тело, вынули голову из петли, появились врачи, милиционеры. Первые осмотрели труп самоубийцы, написали заключение о смерти, сыщики спрашивали, кто и чего видел и знает, но никто на заданную тему не откровенничал. Добрались и до первого очевидца повешения – Адама, но допрашивали недолго и, записав и накрыв покойника белой простынёй, взятой из машины скорой помощи, отбыли восвояси, объявив, куда надо явиться за справкой о смерти профессора.

Соседа внесли в дом, уложили на стол, на коем совсем недавно выставлялось угощение для гостей, немного посуетились вокруг, раздели покойника, и пока мужчины курили во дворе, женщины обмыли тело, надели на него неплохой тёмный костюм доперестроечного покроя и типично академического стиля. Долго прилаживали галстук, стараясь прикрыть начинающий темнеть рубец от веревки. Получилось, но лишь наполовину. Над чистым белым воротом рубахи выступала полоса тёмно-синего цвета, будто бы отделявшая голову от тела, от жизни. Невозможно было без содрогания смотреть на несоответствие этой разделительной черты на теле ещё недавно живого человека, проведённой им самим между жизнью и смертью. Люди отводили глаза, шептались о мелочах, и никто не желал высказать причину такого жестокого отношения к своей жизни. Но вывод из этого случая пренебрежения своим существованием должен был найтись, он звучал колоколом, но пока только в сознании присутствующих на печальном событии, боялся вырваться из уст, чтобы своей правдивой неосторожностью не взорвать отчаянием сердца таких же неудачников, выпавших из временного пространства и живущих памятью прошлых деяний, воспоминаниями благих дней, где они трудились и верили, что их малые и большие шаги обернутся в будущем всеобщим светлым праздником. Они боялись слов и, хотя понимали, что сосед их выбрал не лучший путь ухода от действительности, но признавали право на принятие решения о своём выходе из несправедливой игры, что затеяли в стране тёмные силы международного жулья, и потому не осуждали его выбора метода исчезновения из хаоса нагрывшей жизни. У него и у них отобрали мечту, что, возможно, и была недостижимой, но жила в постоянстве дней, работе, семье.

У неё, этой мечты, не было достаточных оснований для жизни, но она существовала в надежде как-то определиться в детях, внуках, в будущем. Но очень скоро от этого всего ничего не осталось – только яркие вывески на фасадах недоступных супермаркетов, на иностранном языке настойчиво объявлявших о кончине помыслов о каком-то самодостаточном будущем. С такими грустными мыслями народ разошёлся по своим углам, и только Сынебожьев остался коротать наступившую ночь у гроба с телом своего дачного приятеля.

Он выключил верхнее освещение, довольствуясь светом кем-то зажжённой свечи у небольшой иконки с ликом Спасителя, стоящей в углублении между книжных полок, в аккурат над головой покойного философа. «Не выдержал, – появилась первая мысль в печальном присутствии одиночества. – Что ж ты так-то, сосед? – обратился Адам, если не к покойнику, то к незримо присутствующей рядом вечной его душе, которую он обрёл своим поступком на бесконечные муки. – Грех посягать на свою жизнь, подаренную Божественным провидением. И всё это от учёности, от исковерканного наукой разума. А разве не грех отвращать людей от нормальной жизни? Совершать все эти революции, перестройки? Не знают, что творят? Ведают, и с самого начала до конца уверены в своей правоте, потому что привыкли считать народ бессловесной скотиной. Одним больше или меньше, кто их считать будет, этих маленьких тружеников-муравьёв. Умерла Раиса Максимовна – горе у Михаила Сергеевича, а то, что перестройка, им затеянная, унесла многие жизни в межнациональных конфликтах и погрузила страну в хаос непонимания и недоверия – то ничего – обойдётся, привыкнут. Вот и сосед уже привык к своей смерти – лицо умиротворённое, а при свете, падающем от свечи, кажется – прилёг отдохнуть. Отдохнуть. Хотелось бы, чёрт возьми, да где нынче отдохновение найти можно? Тело может в Сочах на пляже валяться, а душа как же? Ей ведь тоже покой нужен, а как нет его? Вот результат – сарай, верёвка, тьма египетская. Дали ему, Адаму, работу по душе, чувствует себя человеком. А те учёные, учителя, врачи, что толкуются на барахолках, им каково на душе? Горит она, душа-то, взывает к справедливости, но такового деяния Господом не предусмотрено. Да ведь будь Господь справедлив, давно уже всем людям гореть в геенне огненной. Остались бы на земле сотня-другая праведников. То и была бы Его справедливость. Но Всевышний милостив – в том и досада на себя, на ближних своих и дальних чужих. Был бы справедлив Отец Небесный, сжёг бы пару Амстердамов, можно и Москву прихватить, как Содом и Гоморру, может быть, и одумались бы люди, хотя едва ли, ума не хватит понять – за что и почему наказаны. Даже узнают за что, не поймут. Страшно. Вся разруха в голове, как сказал не великий, скорее, великолепный писатель, но тех слов не поняли, а если и поняли, то на свой счёт не приняли. Пишут писатели, как всегда кажется, про других людей, другую жизнь. А подумать хорошо – ни людей, ни жизни в других мирах нет, не найдено. Про нас это рассказано, голубчики, всё про нас. Что происходит вокруг, в мире? Чем бездарней человек – ему и орден и должность. Талантливому же человеку по мордам и в острог, чтобы не смущал народ. Потому как от бездаря вреда правителю нет, а от таланта нет никакой пользы. Из века в век такой принцип взаимоотношений блюдётся ненарушаемо. Чего не хватило соседу? Дача, пенсия – можно жить. Но изъяли его из среды существования души, и результат не преминул сказаться. Но как же жить дальше? А никак. Будем строить мост – это ведь не помидоры на участке выращивать, хотя и то и

другое полезно обществу. Вся работа на земле надобна, если с душой и добрым сердцем. Но кто нынче так трудится – всё с надрывом, с досадой на себя, на хозяина, на весь мир. Гвоздь вбить нужно, а сколько злобы вложено в это простое движение, и строение, с эдакими чувствами созданное, долго не простоит, и жить в нём будет безотраднo. А вечность как же? Да куда там, до завтра дожить – там видно будет. Ох, врётe. Будущие дни ещё мутнее станут, непроглядны и ненастны будут, коли нет в душе покоя, а в руках старательности и в жизни постоянства. От смуты душевной такие вот случаи смертельные происходят. Молится человек Господу и просит – пошли мне телесное здоровье и душевный покой. А где найти его, покой душевный? В созидании моста, себя, вечности».

Адам тоже пережил такое муторное беспокойство, подкатывающее к груди днём, не дающее уснуть ночью. Нет, он не думал о самоубийстве, но уйти хотелось. Куда? А туда, где тебя нет. Да такого места ещё никто не сыскал. Пробовали многие, но куда бы ни забредали, себя там и находили. Не лучше, не хуже, а точь-в-точь такого же себя, во всей красе и мерзости. Думалось переменить жизнь, уехать в другой город, страну, но встречал странников, бежавших от невзгод перестройки, от себя, слушал их вздорные слова о счастье, богатом житье-бытье в дальних краях, но в глазах их такая тоска стояла, что не верилось их словам. «Врешь, братец, не найден тобою рай, а на чужбине и имени твоего знать не желают. А что хорохоришься, то понятно, признаться себе не хочешь, что новая жизнь тебе только чудится, а старая уже кончилась. Вот и приехал в родные места памятью юности разжиться, помолодеть, так не ври, а гуляй, друзей проведай, глядишь, и полегчает на душе», – так думал Адам, слушая хвастовство бродяг и переселенцев. Эти мысли и спасли его от метаний по территории земного шара, на путях которой, наверное, он давно бы уже потерялся, и неважно, где это с ним произошло – на Майами или в Орехово-Борисове. Родина только зовётся малой, а громадней её ничего нет. Здесь и тропы, и реки, и лица – все родня. Одиночество дело хорошее, когда жизнь прожил, но всё помнишь. Тогда, как заскучал, выходи на дорогу, и пошёл по памяти своей гулять. Тут с косогора на санях, по накатанному снегу слетишь, там в реке искупаешься да на камне доселе целом, горячем согреешься, у рощи сирень юным цветом и запахом дохнет, и поцелуй девичий на губах ощутишь, а дальше – дальше раздолье для светлых мыслей. А уж если окликнет кто по имени, да узнает тебя в доброй твоей старости, то и вовсе благодать опустится на родную землю, и ангелы в душе запоют. На чужбине такое лишь присниться может, но проснёшься, и ничего нет, пустота.

Погасла свеча, и Адам прилёг на хозяйском диване. Мысли тронулись в своё продолжение, в коем ощущалась неизмеримая грусть во взгляде на жизнь – смерть, тревога, ожидание похорон, но непроглядная тьма навалилась дремой, и сознание постепенно обратилось видениями. Адам шёл по сверкающему серебром мосту, тому самому, что он представлял в своём проекте, шёл долго, не достигая берега. Не виделось ни одной из сторон реки, и сама вода оставалась невидимой, лишь сгустки пара подымались к перилам моста и скрывали все признаки начала и окончания пути и саму преграду, через которую проложена дорога. Мост гнулся дугой, и на середине того изгиба Адам встретил профессора, идущего навстречу с шахматной доской под мышкой. Он был живёхонек, но улыбался грустно, виновато.

– Как же так? Вы же... – удивился Адам.

– Да-да. Иду по направлению, – поднял руку, оттопырив указательный палец вверх, сосед. – Не знаю, далеко ли? А вы куда собрались? – отчего-то разговор пошёл на «вы».

– Я так – мост смотрю, – ответил Адам.

– Вы стройте, но до времени на этот мост не ходите. Как машины поедут, люди пойдут, так и гуляйте здесь себе на радость. А до того не велено вам по нему ходить. Мост получится замечательный, так что нечего его лишний раз оглядывать. Постройте и ждите, покуда не зашумит по нему жизнь, а там и сами ступайте, если уж хочется порадоваться своему труду. И уж примите эти мои слова всерьёз. Ещё одна у меня к вам просьба. Семье моей позвоните, известите обо мне. Всей душой буду благодарен. Они недалеко живут, если вздумают приехать, быстро доберутся. В ящике стола, в спальном комнате, записная книга лежит, там и номер телефона найдёте.

– Конечно, обязательно извещу. А шахматы-то вам зачем? – ответив, спросил Адам.

– Выпросил разрешения взять с собой, авось партнёра сыщу, безвременье тоже коротать надобно, – двинулся мимо сосед.

Адам хотел его остановить, но вместо плеча ухватил пустоту. Тут хлопнула с улицы дверь, и он вскочил с дивана.

Пришли соседи – муж и жена, с ближней дачи.

– Что вы решили насчёт похорон? – спросили они, почитая Сынебожьева за главного распорядителя на этом печальном мероприятии.

– А я сейчас позвоню его родственникам и друзьям, – вспомнил сновидение Адам.

В кабинете-спальне профессора он действительно нашёл блокнот с богатым набором адресов и телефонных номеров и, уговорившись, что соседи его подождут, отправился к себе обзванивать родных и близких покойного. «Время утреннее, раннее, наверняка все ещё дома, тут я их и оповещу», – решил он, подходя к своим воротам. В книжке обнаружили номера телефонов жены, дочери, сына, брата и нескольких друзей, педантично и с указанием степени родства и знакомства чётко выписанных на первой странице. К сообщению о смерти профессора отнеслись по-разному, но основным откликом на случившееся звучало несогласие с этим в словах: «Не может быть», – но сразу приходило понимание, что такими вещами не шутят, а на расспросы о причине происшедшего Адам отвечать уклонялся, обещая все подробности рассказать при встрече. В конце переговоров, обзвонив с десяток абонентов, он предложил родственникам и друзьям сообщить всем, кому они считают нужным, о смерти соседа, посчитал оставшиеся деньги и, решив, что на гроб покойному хватит, позвонил в офис и попросил шефа, объяснив ситуацию, чтобы, по возможности, прислали машину для доставки домовины. Однако, шеф, выслушав короткий рассказ Адама о печальной судьбе профессора, повернул дело по-своему, сказав при этом, что беспокоиться незачем, и шофёр сам привезёт всё необходимое к похоронам. На благодарственные слова шеф ответил: «Все мы смертны, а похоронить человека, как подобает, долг живых. Ждите».

С лёгким сердцем Адам вернулся в дом скорби, сообщил о звонках, гробе и начал узнавать, что ещё необходимо для предания земле тела своего доброго соседа. Дом уже наполнился сочувствующим и просто любопытным народом, но Адам не желал удовлетворять их болезненный интерес, а объединился с семьёй,

пришедшей рано утром, и они стали обсуждать дальнейший план действий. Очень скоро пришла грузовая машина, откуда сняли гроб, обитый алым бархатом с чёрной бахромой, куда положили тело покойного. Следом прибыл автомобиль шефа, появился пожилой священник и сразу приступил к обряду отпевания, благоразумно не спросив никого о причине смерти профессора. Конечно, смерть профессора – недоразумение его самого, и по закону заблудшая душа не подлежит отпеванию, но сострадание даже вопреки запретам и есть Божья милость.

Из багажника машины водитель стал вытаскивать коробки и свёртки, объяснив, что хозяин посылает продукты на поминальный обед. Жители дачного посёлка с уважением смотрели на Адама, а тот с благодарностью думал о своём начальнике. Оставаться человеком в жестокие времена нынешних перемен – почётная необходимость порядочных людей. После отпевания покойного и благостной проповеди живым священник уехал, и теперь осталось дожидаться родственников, пообещавших к вечеру быть на месте.

«Надо будет перила моста выкрасить серебром, как во сне. Появится лёгкость всей конструкции», – Адам продолжал извлекать полезные для себя свойства из ночных видений. Время подступило обеденное, и соседи, те самые муж и жена, пригласили его к себе – выпить чаю. Там он пробыл долго, увлёкся разговором о необычности всякой судьбы, узнал некоторые подробности жизни этой молодой пары, с которыми до сей поры был знаком шапочно. Они оказались северянами, приехали сюда, заработав пенсионные льготы и, желая копать в земле, на грядках, купили дачу, квартиру в городе и считали, что им повезло – вовремя смотрелись от «северов». Кто задержался, потеряли в реформах деньги и остались навечно коротать жизнь в далёких краях. Детей у них не родилось, и хоть долги ночи на Крайнем Севере, но желания иметь потомство во временном пространстве льдов и северного сияния не появилось, время упустили. Остались сожаления о том, что скучными, серыми днями невесёлого прошлого бытия проносились во снах, но изменить что-либо уже не находилось возможности. Северные льготы оказались несоизмеримы с потерянным здоровьем и одиночеством, к которому ни привыкнуть, ни полюбить себя в нём они не смогли. Плохо, когда время настоящей молодой жизни считается непостоянством, а годы оседлости в светлом будущем приходятся на старость, когда начинаешь понимать, что трудная жизнь у полярного круга тоже была твоей, но осталась незамеченной, сокрытой маелной мечтой о южных морях, которые якобы ждут возвращения сильных и смелых тружеников Крайнего Севера, чтобы воздать им благоденствием за непосильные работы на благо страны. Теперь же не стало и страны, а аппелировать к прошлому считается дурным тоном. Принимается к сведению лишь нитьё политических шарлатанов, извлекающих капитал из своих воспоминаний, где будто бы происходила борьба с тоталитарным режимом, и они в ней участвовали, написали пару стихотворений, их не печатали, они страдали и теперь желают получить сполна за эти неудобства в своём прошлом существовании. Труженикам просить милостыню не пристало – всё равно откажут, а свобода в небытии, в смерти. Вот сосед захотел с нею познакомиться и ускорил эту встречу с никем не виданным доселе освобождением от всего земного. Но кто знает, как встретят его там, у края Вселенной, и что ожидает прибывающих туда по своей, не щадящей жизни, расторопности, а не просто по окончании сроков земного пребывания. Выходцев с того света не было и нет, а заповеди Господа, как свет на пути к тем неведомым далям, стали

невидимы зрению, неуловимы слуху для многих скитальцев по грешной земле. Беседа поблекла, слова начали скучнеть, и сидящие за столом спохватились – надо проведать соседа, что проводит последние часы в своём доме.

Подходя к дому, не ожидали увидеть ничего нового, но уже прибыли родственники, у гроба стоял рёв и плач, кто-то успел рассказать причину смерти новопреставленного и оттого плакали больше, осуждая сам поступок покойного, а когда добирались в мыслях до сути одной неправдоподобности совершённого действия то принимались рыдать в голос, причитая о несогласии с такого рода человеческим поведением. Сынебожьев удалился, не вынося этих горестных вскриков, присел на скамейку под кроной огромного орехового дерева, где ранее любил сживать с соседом, обсуждая влияние веяний прошлых эпох на времена наступивших перемен. Вой и плач скоро утихли, родственники успокоились, вышли во двор, образовали свой круг и стали совещаться, определяя время и место похорон. Сын, фигурой и лицом похожий на отца, подошёл к Адаму, присел и спросил о последних днях жизни покойного и, выслушав ответы на свои вопросы, захотел узнать о цене гроба, но Сынебожьев сказал что-то связанное с христианским долгом к своим ближним, тот быстро с этим согласился и отошёл к своим озадаченным родичам, забыв поблагодарить Адама за благородный поступок. А тот и вправду не знал, сколько стоит гроб и как он потом будет рассчитываться. Но должен же он был как-то отметить своим участием не только в прижизненной судьбе профессора, но и в последнем его пути. Долгие вечерне-ночные разговоры в пьяном угаре, но чаще без оногo, давали ему право на такое решение. Тем более сейчас, когда он оказался при деле. Рядом с ним присели «северяне», и они вместе принялись наблюдать за возникшей суетой в стане скорбящих родственников. Снова подошёл сын покойного и спросил, откуда можно позвонить. Адам повёл его к себе, тот выспросил в справочном отделе похоронную артель, долго рядился с невидимым распорядителем в цене услуги, но по этим переговoрам стало понятно, что сосед будет предан земле в другом городе, неподалёку. От его слов навалилась тоска-грусть, зудящая в голове некоей обидой бессмысленной, непонятной и неопределенно к чему – злой. Спорить Адам не стал, не имел права и полномочий от кого-либо из родственников, но замкнулся, перестал отвечать на вопросы, назвал адрес дачного посёлка и вышел на улицу, оставив сына покойного торговать с похоронщиками о цене случая. На соседской скамейке дождался быстро прибывшего катафалка, простился с соседом, не дожившим до светлого капиталистического будущего, попутчиком в некотором времени на пространстве дачного кооператива, замечательным собеседником и неудачливым жителем белого света.

Машина запыхтела под нелёгким грузом и поплыла за поворот, за ней отправились родственники на легковушках. Подался было домой и Адам, но его окликнули и пригласили вернуться в дом печали. Двоюродный брат профессора, что был оставлен для присмотра за хозяйством, решил не затягивать поминок по душе усопшего, благо продукты оказались кстати, а в подвале дома обнаружилось достаточное количество солений и домашних вин. Адам хотел отказать, но, глядя в светлые, почти молящие глаза просителя, пошёл за ним в дом, где присоединился к небольшой группе соседей, уже сидящих за столом. Всё найденное в закромах было выставлено на стол, и поминки без похорон начались речью чуть испуганного ответственностью брата, впрочем, сказавшего правильные слова о

душе, Боге и не забывшего поблагодарить соседей за участие в приготовлении покойного к дальнему странствию на берега Леты. Застолье закончилось далеко за полночь, и Адам, придя домой, зачем-то включил компьютер, выловил на экран проект моста и до самого утра начинал его новыми идеями – выкрасил в серебряный цвет все видимые конструкции и, ужасно устав от смерти, жизненной суеты вокруг неё, виртуальных решений в строительстве, уснул в своей кровати, не радуясь переменам в жизни, но и не бранясь.

До обеденного времени следующего дня Адам спал, потом ходил в дачный магазин за хлебом, обедал, сидел над чертежами, создавая материальную часть проекта на бумаге. Получалось неплохо, после долгого бездействия постепенно возвращались профессиональные качества инженера, вспоминались удачные решения в прошлых работах, и он уже видел, представлял этот мост и пока вчерне определил его размеры, параметры связующих конструкций. Оставалось уточнить некоторые данные, обсчитать, измерить, взвесить, и можно будет выносить проект на обсуждение комиссии, если, конечно, она осталась быть в этом новом времени. Отсутствующий мост, по причине ещё не произведённых работ, становился в голове у Сынебожьева всё более важным событием, нежели присутствие всего остального. Он должен был восстановить справедливость и поменять местами эти два качества, чтобы снова жить среди людей и ощущать своё присутствие в мире. Но пока замысел не реализован, нечего и думать о покое и смирении души. Такова суть творчества; когда мир нереализованного, ещё беспредметного объёма заполняет своим образом невидимое никому, кроме художника, пространство, которое уже существует и заполнено видением, уже живущим в голове, на бумаге своей отдельной жизнью, нужно сделать вдохновение реальным событием, иначе и не стоит жить. Конечно, жить можно и без вдохновения, но уж коли ты отмечен этим беспокойным чувством, то и твори не на день – на века. Можно строить, писать, жить просто так, по привычке, по своему желанию, для развлечения своих способностей, но художественный замысел не может стать обыденностью. Дух человеческий, если он присутствует в твоей жизни, должен быть выражен в созидании, восстать от простого ремесла к искусству, и пока он жив в людях, несущих его, мир будет удивляться сумасбродным идеям талантливых мастеров своего дела, которые, однако, по воплощении становятся гордостью мировой культуры. Всегда так – удивление вырастает в понимание. Адам тоже жаждал воспроизведения своего вдохновения в реальную конструкцию моста. Мысли роились в его голове, и он, занимаясь бытовыми делами, отрывался к бумагам, разложенным на столе, и вносил новые штрихи в проект. Он ещё не почувствовал законченности решений, жил в начале замыслов и находился в том непередаваемом временном периоде творчества, что нередко соотносится с длительностью прожитой жизни. Великим художником Адам не был, но желал созидать и умел с вдохновением относиться к любимому делу.

Недолго продолжалось время решений, дополнений, раздумий, и дело забуксовало, а потом и вовсе застопорилось, и Адам понял, что добавить к проекту больше нечего. Чертежи готовы, расчёты тоже, компьютерная картинка идеальна, и можно было бы звонить шефу. Но он оттягивал этот триумф скорого исполнения задания, хандрил от безделья, не хотел никого видеть, говорил по телефону с женой, обещал приехать и никуда не двигался с места. Подружился с братом покойного профессора и коротал вечера у него в доме. Тот оказался интересным

человеком, убеждённым холостяком, любителем застолья и неплохим рассказчиком. Он поведал Адаму о своей любви, не то чтобы несчастной, но той, что так и осталась ярким светом на весь недожитый после неё век. В молодости Саша, так звали нового знакомого, не отличался привязанностью ни в дружбе, ни в симпатиях к девушкам. Слыл ловеласом, не прочь был поставить рога зазевавшемуся от обилия счастья мужу и, работая телевизионным мастером, имел возможность проникнуть в любой дом, квартиру, где и происходили события иногда очень далёкие от обязанностей телемеханика. Так и продолжалась его вольготная, безоблачная жизнь любовника на час, на минуту без слёз и ревности, с тайной для обманутых мужей. Длились таковые события до счастливого момента, когда нашему герою исполнилось неполных тридцать лет. Уже не юноша, но и не мужик ещё, как не женат ни единого разу. Зачем жениться, ежели тебе женщины и так рады, и обязанностей ни на грош.

Однажды загулял Сашка и подался в ресторан допивать среди комфорта и музыкального к тому сопровождения. Так и прошёл бы этот вечер незамеченным и отозвался бы в памяти лишь утренним похмельем, но судьба преподнесла тот случай, который и стал подобием Божьей кары за легкомыслие и беспутство. Когда он уже подружился с музыкантами, заказывал песню за песней и куролесил среди танцующей публики, в зал вошла женщина, и все взгляды устремились ей навстречу. Сашке показалось, что даже музыка замерла, нет, музыканты продолжали играть, но звуки остановились, ожидая чего-то необыкновенного, чтобы продолжить ритм своего движения. Он наступил, этот миг, женщина присела за столик в уголке, и воздух в зале очнулся – забарабанила палочная дробь под руками ударника, толпу заштормило, и из её рядов выбросило Александра прямо на стул к своему столику, где он застыл, не отрывая взгляда от необыкновенного зрелища, в котором участвовала лишь одна, недавно вошедшая в зал ресторана женщина. Лицо незнакомки светилось в ярких ресторанных огнях нешуточной красотой, что даже сдвинуться в её сторону всем своим изумлением казалось в этот момент кощунством. Он протрезвел от созерцания царственных движений подобия улыбки на губах, слегка побледневших от волнующего напряжения воздуха, сжатого в направлении взглядов, устремлённых к месту присутствия красоты. Глаза томились ожиданием, что-то должно было последовать за этим неземным вторжением в пустоватый мир белых салфеток, лёгкой музыки и беспечного человеческого шутовства. Кто будет тот смельчак, что посмеет приблизиться к даме, которая своей красотой заворожила даже томно-пьяное сопрано певицы, и слова песни стали заискивающе-несмелы в ожидании разрешения от бремени тайны – появления королевы среди развивающегося действия комедии человеческого тщеславия. К счастью, ждать пришлось недолго, вскоре у входа в зал появился мужчина. Так, ничего особенного. Свежо и элегантно одет. Волос на его голове был тронут сединой, очень украшающей степенный возраст, в котором он уже, без сомнения, находился. Он подошёл к столику, где восседала красавица, и присел в кресло напротив. Зал, как показалось, облегчённо вздохнул, взгляды мужчин потускнели, обратились к своим на время забытым избранницам, и веселье возобновилось. Но только не для Сашки. Он перестал пить, плотно врос в кресло и не отрывал своего взгляда от женщины в тёмно-вишнёвом вечернем платье с серебряной блёсткой по полю и газовой пелеринке, брошенной на плечи, отливающие белизной мрамора, небрежно держащей в руке бокал с вином, не

обращающей внимания на пьяную суету вокруг, в том числе и на свет, исходящий от глаз неведомого поклонника, свет нарождающегося в душе чувства присутствия в природе красоты среди отвратительного свинства в ареале собственных случайных увлечений, неразборчивости и ничего не значащих лёгких, хвастливых мужских побед. Через некоторое время чувственного оцепенения он поднялся, подошёл к столу прекрасной дамы и, не обращая внимания на её спутника, взял в ладони её холодную, холёную руку, поцеловал и громко промолвил: «Спасибо вам за вашу красоту!» – и, не обращая внимания на звучащие ему вслед аплодисменты восхищённой необыкновенным поступком публики, ушёл из ресторана.

После этой случайной встречи с необыкновенной женской красотой многое в жизни Александра переменялось. Он отказался от работы по вызовам на дом клиентов, осел в мастерской, часто ходил ужинать в тот самый ресторан, где однажды видел радость, сидел там допоздна, но смутившая его покой женщина не появлялась более, и Сашка загрустил. Прошло довольно много времени, прежде чем проявилась причина столь скорого изменения привычек в характере Сашки – весельчака и любоддея. Он понял, что не сможет жить, не созерцая лика той женщины, которая явилась ему, может быть, во сне, но наяву преследовала его мысли, изнуряя их образом лишь однажды увиденным, но озарившим сознание необычным просветлением невиданной красоты. И однажды случилось то, что должно было когда-нибудь произойти – он увидел её. Пока он узнавал её облик, любовался движениями, она исчезла за дверьми в здании гостиницы, и тогда, поняв, что видение может пропасть совсем, потеряться, Сашка рванулся вслед, влетел в вестибюль, где его остановил швейцар, что-то требуя и, выслушав объяснение торопливости молодого человека, повёл его к метрдотелю. Распорядителю была известна только что вошедшая дама и, сочувствуя взволнованному состоянию просителя, он позвонил в номер и после нескольких слов передал трубку Александру. В трубке ожил незнакомый, певучий женский голос, выспрашивающий о причине звонка, а Сашка сбивчиво просил о встрече, встрече и ни о чём более. Его выслушали и попросили передать трубку телефону администратору. Тот почтительно выслушал слова поручения и, назвав этаж и число номера, указал лестницу, по которой влюблённому мужчине предстояло подняться к небесным высям своей мечты. На плохо слушающихся ногах он поднялся на нужный этаж и, когда постучал в дверь, совсем не верил, что за ней найдёт предмет своего обожания – слишком долгое время прошло от первого волнения и до настоящего безумства, но дверь отворилась, и в этом проёме улыбалась та самая женщина, что приснилась однажды и осталась единственным манящим светом в его последующих за той мимолётной встречей днях и ночах. Он даже отшатнулся от близости этого присутствия, но нежная улыбка и слова: «Да-да, помню. Молодой человек из ресторана. Тогда вы приятно взволновали меня. Проходите, нужно рассмотреть вас поближе». И он прошёл, не зная зачем и плохо припоминая, как это всё случилось. «Вы мне поцелуете руку, как в прошлый раз? – присела в кресло красавица. – А меня Аня зовут. А вас?» Одетая в тонкую светлую кофточку и широкую цветистую юбку, своей стройностью она походила на юную девушку, и лишь лицо, наделённое серыми пронизательными глазами, и гладкая, строгая причёска говорили об умудрённости и вкусах взрослой женщины. Поцеловав руку и назвав своё имя, гость тоже присел в кресло напротив, даже не пытаясь думать, зачем он сюда явился. Он просто смотрел во все глаза на свою мечту, близкую,

но недоступную тайной неожиданного присутствия здесь. Он никогда не представлял себе этой встречи и не знал, как себя вести. Инициативу взяла на себя хозяйка, принесла фрукты, бутылку вина, конфеты. «Саша, вам нужно открыть вино», – подала штопор и, взмахнув рукой, пригладила ему волосы на голове.

Пробка звучно вырвалась из бутылки, наполнились бокалы, и тут наш герой заговорил: «Я никак не думал вас встретить, но желал этого, совсем не зная почему. Наверное, я кажусь глупым?» – как-то уж очень жалостливо спросил Сашка. «Нет, что вы, напротив. Вы очень смелы и привлекательны своими действиями. Не всякий мужчина решится на один из ряда вон выходящий поступок, а вы, Саша, совершили их уже два. На две встречи столько же необычных проявлений внимания к незнакомой особе – это нравится и запоминается, пусть не навсегда, но до нового появления рыцаря образа грустного, но смелого. У меня сегодня свободное время, мы можем провести его вместе. Мы никуда не пойдём, останемся здесь и отметим нашу не назначенную, но предполагаемую встречу. Вы согласны, Саша?» – женщина склонилась, заглянула ему в лицо и увидела в глазах давнее ожидание этого предложения.

После выпитого вина, не помнящихся слов в некороткой беседе, поощряющих взглядов и движений Сашка прильнул к груди красавицы и утонул в её объятиях до самого утра. Очнувшись светлым утром от ночного забытья, он тихонько поднялся, нашёл свою разбросанную по полу одежду и вышел из номера, не тревожа сладкий сон любимой. За дверьми гостиницы огляделся и отправился искать цветочный магазин. Цветочница ещё только укладывала, увязывала сверкающие водными каплями бутоны ждущих лучей солнца цветов. Он купил целую охапку алых гвоздик и, прижав этот пламенеющий страстной любовью букет к горячей груди, вернулся в гостиницу. Взяв в буфете бутылку дорогого вина, он вошёл в номер, где, как ему тогда казалось, его ожидала вечная радость. Женщина спала, разметавшись по постели, и не слышала, как её поклонник засыпал всё пространство комнаты и кровати алыми цветами и уселся в кресло любоваться роскошью своих фантазий и красотой любимой, будто бы перенесённой страстной силой его воображения в страну жарких цветений любви. Он дождался, когда его красавица пошевелилась, открыла глаза, ахнула и села на постели, обнажённая по пояс. Один цветок запутался в волосах, а два других опустили свои алые головки на грудь, украсив необычной нежностью два упругих плода женского обаяния. Женщина изумлённо оглядывала убранство своей комнаты и постели и, наконец, зовуще протянув руки к виновнику своего удивления, выдохнула: «Иди ко мне». Такой неистовой страсти, каковой она одарила его в то счастливое утро прямо на цветочном поле, Сашка не знал ни до этой встречи и никогда более. Обессиленный, он лежал на широкой гостиничной кровати в бездумно счастливом пространстве света наступившего дня и слушал нежно звучащий плеск воды, доносящийся из ванной комнаты, и ждал продолжения... своего счастья. Оно появилось в образе мокроволосой нимфы, одетой в пушистый розовый халат. «Всюду цветы», – пронеслось в голове, и он зашагал прямо по хрустящим под ногами стеблям, чтобы принять душ. Ожив под струями горячей, а потом холодной воды, Александр приготовился к серьёзному разговору с Аней, решительному и необходимому после последних событий. И вот чисто вымытый, душисто пахнущий, завёрнутый в мохнатое полотенце, Сашка вышел к столу, где его ожидал завтрак из сыра, булочек и аппетитных

розовых кусочков ветчины, посыпанных веточками петрушки. Вино уже искрилось в бокалах, а лицо любимой сияло улыбкой.

Хорошо закусив, Сашка заговорил о двухсторонних отношениях, как о давно решённом деле:

– Что же мы будем делать, после уже происшедшего между нами? Я предлагаю пожениться. Вы как к этому относитесь? – спросил он, мало сомневаясь в ответе.

Но слова любимой не обрадовали своим откровением:

– А что, собственно, случилось? Мы хорошо провели время. Ты, Саша, хороший человек и замечательный любовник, но замуж я не собираюсь. И не только за тебя, а вообще ни за кого. Мне уже тридцать, и я не собираюсь менять привычки и обременять себя сомнительными обязанностями. Нам было хорошо этой ночью, и я согласна иногда встречаться, но когда теперь буду свободна, не знаю. Оставь свой номер телефона и жди звонка. А замуж нельзя, придётся многое и многим объяснять, а такое очень непросто себе представить. И зачем всё это? Живи сейчас, к чему создавать трудности себе и другим? Другим, понимаешь? Они тоже ждут встречи со мной, и я этого не скрываю. Содержанка, да. Но на попечении приличных людей. От тебя мне ничего не нужно, ты для души, для любви, – и, почувствовав напряжение в пространстве, вдавившее любовника в кресло, попыталась облегчить своё откровение. – Будь проще, и все твои желания сбудутся.

– Они уже сбылись, – и, одевшись, Сашка ушёл, не допив вино, не долубив, не дослушав.

Ушёл, и всё. Будто из жизни, где мечта оказалась жалкой химерой, а любовь – очередностью на потребление ласк любимой женщины. По дороге он сам себе читал стихи Хайяма о той самой очерёдности в любви: «Развеселись!.. В плен не поймать ручья? Зато ласкает беглая струя! Нет в женщинах и жизни постоянства? Зато бывает очередь твоя!».

Вот так за пару вечеров Адам выслушал рассказ о целой жизни, прожитой за единую ночь, больше не повторившуюся никогда. Свидетель своего счастья сидел перед ним, не жаловался, не жалел, а просто вспоминал минувшее, как историю любви и разочарования сразу в одном случае, произошедшем с ним, а может, им самим выдуманном, чтобы скрасить одиночество своей души, доставшееся от прикосновения к тайне всего только одной красивой женщины. Он не жалел, что не узнал о ней большего, ему хватило и тех немногих слов циничного откровения однажды и навсегда любимой, но оставленной для светлых воспоминаний незнакомки, так и не ставшей ему близкой и родной, а запомнившейся как что-то необычайно красивое, неземное, приходящее во сны и щемящее сладкой мукой сердце после пробуждения. Адам увлёкся чужим прошлым, забыл на время работу и, только слушая исповедь Александра, подумал, жалея, что такой любви он не испытывал в своей жизни. Не увлеклся так смело, а после женитьбы и вовсе перестал заглядываться на женщин и находил радость в работе, в создании конструкций мостов, что и протягивались его любовью с одной стороны на другую, соединяли берега и радовали душу своим появлением в Вечности. Такова была его судьба и любовь в ней.

Адам ещё со студенческих лет своей жизни ощутил некое необъяснимое стремление друзей и просто случайных знакомых к желанию исповедаться, может, не

совсем в этом смысле слова, но поведать какие-то свои тайны, наболевшие от ничего неучастия в них, от нерасказанности, несвободы от тяжести ноши даже и не греховной, но томящей душу из-за желания опростаться от этой гнетущей тяжести. И почему-то выпрастывание своих переживаний, душевного смятения чувств, раскола между материальностью мира и бескорыстием духа, они – эти остановившиеся на перепутье раздумий среди суеты и громогласности советов лжепророков люди доверяли ему – Сынебожьеву – простому, хотя и прилежному студенту. Он не понимал, отчего ему поверяются тайны и совсем простые житейские дела, просто выслушивал, не обсуждая и не осуждая, не давая никаких наставлений. Сидел напротив и внимал говорящему человеку. Этого выслушивания оказывалось вполне достаточно для исповедания. Душевные переживания, исходящие из конфликта совести с мерзостью человеческих поступков, требовали откровения перед кем-то, не нарушающим момента понимания истины и, даже более того, не препятствующим рождению души. Рождение всегда интимно, но должен присутствовать человек, умеющий почувствовать настроение, и принять новообразование, вроде повивальной бабки, освобождающей роженицу от мук и вместе с ней улыбающейся первому крику младенца. Крик души, рождающийся от столкновения с жизнью, первая попытка исповеди, бескорыстно-искренняя, выслушанная молчаливо, без перебивания и торопливости, оставляет душевному рождению пространство для вырастания в нём человеческих качеств, достойных образа и подобия Создателя. Адам, конечно, не узнавал обо всех противоречиях, терзающих человеческую душу, но даже в единичном случае откровения ему слышались отзвуки вселенского крика заблудшего человечества. Его душа всегда сочувствовала словам, высказанным с искренней болью, пусть незначительной и случайной, сопереживала горькому повествованию, рассказанному зачем-то именно ему, Адаму.

Он имел свою квартиру, и потому к нему ходили друзья, заходили и чуть знакомые люди – поговорить, спеть песню, послушать музыку, попить чайку, или являлись однокурсники на праздник живота, поесть приготовленного в огромной кастрюле борща, так, чтобы хватило на всех всегда голодных студентов. Бывало, кто-то из друзей жил у него некоторое время, ведь неприкаянность студенческого бытия так заметна, что отказать в пристанище изгнанному из общаги соучастнику прекрасного времени и событий в нём, молодости и познания наук, а главное, самого нелепого узнавания сочетания добра и зла в одних и тех же человеческих судьбах, представлялось Адаму высшей подлостью. Общением с людьми и беседами с ними или просто слушанием излагаемых ко времени или невпопад разных событий, происходящих тут и там, но порою скрытых среди собственной и чужой суеты, Адам был не обойдён, а иногда и перегружен этой информацией, но не чурался ни горестных сетований, ни радостных признаний, вырывающихся время от времени из уст представителей сопутствующего ему поколения. Он не стал пророком, учителем, гуру, ну, как и кем угодно, но был слушателем, внимающим и поглощающим проклятья и восторги, обиды и радость, жалобы и просьбы – все эти необычные признания каким-то неясным образом пропадали через слух в глубинах души, не оставляя следа, чтобы потом невозможно было эту случайность покаяния отыскать и повторить слова или говорить о них с кем-то. Видимо, эта бесследность исчезновения и породила массу ходоков за освобождением своих мыслей от их горестного продвижения к пропасти самоуничтожения. Выслушать одну смятенную душу человека – это много больше, чем обогреть

и накормить многих страждущих, принять материальное участие в их судьбе, в этом убедился Адам в процессе невольного присутствия среди доверительных слов, оказавшись примирителем душевных человеческих разногласий самого различного свойства. Вот и теперь брат покойного соседа поведал историю, от которой закружилась голова, но он опять не сказал ни слова и не задал вопроса, как задают их нетерпеливые невежды, желающие узнать ещё что-то, как им кажется, утаённое и притягивающее – порочное, как сами они. Он лишь очень светло позавидовал рассказчику и немного пожалел о не случившихся с ним подобных событиях. Вот и всё.

Случайно прожив часть чужой жизни и вновь очутившись перед необходимостью принятия решений в своей, Адам заглянул в компьютер и бумаги, ещё раз позволив себе насладиться делом вдохновенного творчества нескольких дней, уже, к сожалению, прошедших, позвонил шефу и попросил о встрече. Тот сразу откликнулся и, приветливо расспросив о жизни, назначил аудиенцию на утро следующего дня. Нынешний день остался свободным, и Адам решил занять время посещением жены, от чего отказывался в период работы над проектом. Добравшись до цели, он, однако, в квартиру не попал, на звонки никто не открыл, ждать незнамо сколько не стал и по вдруг созревшему желанию увидеть ещё раз место будущего строительства отправился на реку, где должен был вскоре восстать, воспарить над водою и землёю мост, спроектированный им – Сынебожьевым Адамом. Красота реки отразилась в его глазах беспокойством, и он стал примерять к её высоким берегам свою конструкцию моста, так, чтобы она как можно органичнее вписывалась в природный ландшафт поймы водоёма, не нарушая роскоши уже существующего произведения Вышнего художника. Он был удивлён тем, что раньше не размышлял на такую серьёзную тему, но, проанализировав свои прошлые работы в этой области, поразился догадке, что и тогда, по какому-то ненадуманному наитию разума, соблюдалось равновесие красоты земного естества и искусного вмешательства человеческих рук. Столь важной показалась ему такая задача, что обнаруженное сейчас и здесь совершенство природы заставило спуститься с крутого берега к воде, омыть руки и лицо, влезть на огромный чёрный, в прожилках белого кварца камень и замереть, усевшись на его гребень, созерцая наполненную звуками и красками ветреную пустоту глубины речного простора. Он впервые ощутил жизнь реки, самостоятельную, недостижимую пониманию умом для чего-то живущих людей в течении этого стремительного потока неизвестно откуда, куда и зачем? Но кто-то знает, зачем? Кто так непомерно щедр в своей доброте, что рассыпал, разлил такие лучезарные красоты на землю? Только не всегда щедрость Отца полезна его детям. Часто достаточность всего этого счастья воспринимается как должное и проматывается в короткий срок. Несколько тысяч лет (юность в Господнем измерении) человеческого взросления не добавили людям разума. Изгнав из рая сотворённых по своему образу и подобию человеков, Господь, как добронравный отец, озаботился их дальнейшим существованием и подарил им в наследство цветущую, плодоносящую, полную всякой живой твари землю. Но райская, беззаботная жизнь наложила на характер человека неистребимую привычку к иждивенчеству, неспособности к созиданию, и лишь разрушение созданной без его участия красоты привлекает неокрепший человеческий разум, как таинственность смерти самоубийцу. Венец природы, как эгоистично называет себя сам человек, превратился в ярмо, опоясывающее

тело земли, приносящее ей боль своими грубыми прикосновениями, взял в плен всё живое, уродуя земное пространство и себя в нём, всё более отдаляясь от духовного и даже физического образа и подобия своего Отца. Картина пейзажа земного человеческого бытия писалась великим художником, а дорисовывается самим человеком, но по причине несоответствия таланта с грандиозностью проекта получается несуразица, вносимые изменения не соответствуют замыслу Творца, исчезает привлекательность произведения, вместо восхищения – пустота во взгляде. Страшно? Ничуть. Человек исчезает из земного пейзажа. Не ассоциирует себя с жизнью на земле. Он покоряет космос в поисках других, более совершенных миров. Считает земное пространство недостойным своего присутствия. Поиски высоких сфер для существования собственного величия кончатся крахом этих надежд. Но и возвращения в родной пейзаж не состоится. Он исчезнет. И пейзаж, и человек.

Жене он рассказал печальную историю кончины соседа-профессора, чем поверг её в шоковое состояние. Она никак не могла понять причину такого неестественного поступка в распоряжении своей жизнью, даже всплакнула от неприятия небрежения Господним даром, жалела, что раньше недолюбливала профессора за вино, которое они частенько пили с Адамом, за нескончаемые ночные беседы, и упрекала себя за недопонимание его легко ранимой души, что и стало, по её мнению, причиной катастрофы. Адам молчал, слушая горькие слова сожалений по поводу женского недопонимания, и думал, как много таких умолчаний кроется в душах людей, и хорошие слова выплёскиваются из застенок замкнутого светного круга и вся недоговорённость обнаруживается и обращается к уже незримому и не слышащему эти сетования человеку. Обречена, видимо, человеческая душа, разделившись со своим естеством, выслушивать воспоминания родных и знакомых людей о своей, теперь уже прошлой жизни, и удивляться, огорчаться и радоваться произносимым словам при полном отсутствии самого себя при этих разговорах. Обычно в мыслях и словах звучит сожаление недостаточного внимания к покойному, спешке в общении: «Встретились там-то, надо было поговорить. Да всё некогда». Суета сует. А время жизни дано, чтобы узнать, увидеть, полюбить. Но не верим, что время жизни так быстро пройдёт, всё лучшее в своих мыслях и чувствах оставляем на потом, и ничего не дождавшись, недолюбив и недополюбив любви, уходим, не простившись и не простив. Так устроена жизнь, но уж лучше поздно, чем никогда помянуть добром человека, ещё недавно казавшегося вечным событием на земле. Так и сделала жена Адама – накрыла стол, налила в стаканы водки, и они выпили, пожелав душе соседа прощения от Господа.

Следующий день у Адама начался с разговора в кабинете у шефа. Мухаммед долго и внимательно рассматривал документы проекта, компьютерную картинку и чертежи конструкции моста, выполненные Сынебожьевым. После многочисленных вопросов по теме встал вопрос о времени натурального воспроизведения сооружения.

– При моём полном единоначалии и бесперебойном обеспечении материалами можно управиться в шестимесячный срок, – ответил Адам.

– Но впереди зима, – заметил шеф, напомнив о трудностях зимнего строительства.

– Нужно закончить бетонные работы до холодов, – Адам уже видел начало стройки и хотел быстрее приступить к реализации своего плана.

– Тогда завтра же отправляйтесь в столицу, дорабатывайте проект вместе с разработчиками и приступайте, а пока набросайте схему нулевого цикла, чтобы к вашему возвращению техника и бригады рабочих были готовы к труду.

Адам был не готов ехать в командировку, не ожидал своего участия в работе проектировщиков. Он давно никуда не выезжал и не очень обрадовался предложению шефа.

– Что я там должен буду делать? – поникшим голосом спросил он.

– Защищать свои позиции. Профессионально и с энтузиазмом. Кроме вас, никто этого сделать не сумеет. Так завтра в путь, и с Богом, – подбодрил начальник.

Уже вечером Адам входил с перрона вокзала в вагон поезда, отъезжающего в новую столицу. В купе мягкого вагона его попутчиком оказалась женщина приятной внешности, однако с очевидной бледностью лица, усиливаемой дрожащим светом люминесцентных ламп, встроенных в потолок, одетая классически строго, будто она собиралась по окончании поездки пойти в столичный театр. Багажом ей служила небольшая дорожная сумка. Она поставила саквояж на верхнюю полку, приподнявшись на цыпочках, и присела, не отводя глаз от проёма окна, углядев на перроне что-то интересное для себя. Любопытство её закончилось с началом движения поезда, и она опустила глаза долу – очевидно, задумалась о чём-то значительном, о не случившемся, но ожидаемом ею событии. «Кто-то должен был прийти проводить или воспрепятствовать отъезду», – подумал Сынебожьев. «В пустоту бежать никому не хочется», – как бы сама по себе продолжилась мысль. Поезд набирал скорость, а женщина продолжала сидеть, невидяще глядя перед собой, сжав воедино ладони и опустив их между коленями. Адам не находил слов, чтобы расстроить эту её трагическую позу, не знал, как можно вторгнуться в случайно оказавшуюся рядом жизнь, исцелить разочарование в ней какой-то утешительной беседой, облегчить человеческим участием незнаемое страдание.

Он бы так и не решился завести разговор, но тут женщина подняла глаза, взглянула за окно, гдеплыли мимо окраины городских кварталов, и остановила взгляд на Адаме, удивившись его присутствию простыми словами:

– А вы тоже куда-то едете?

– Да, по делам, в столицу, – только на вопрос ответил Адам.

– А я вот – насовсем, – и это последнее слово прозвучало так веско в своей тоске, будто возврата оттуда не могло состояться никогда.

– Что, так далеко едете? – сморозил глупость строитель мостов и поправился ещё большей неловкостью. – Но всегда можно вернуться. Транспорт всякий есть. Поезда, самолёты. Можно хоть куда добраться.

– К тому, чего не осталось, не дойти, не доехать. Этого больше нет, а может, и не было. Показалось. К иллюзиям пути нет. Они существуют только в тебе, а себя ты везёшь с собою, значит, и они проследуют вместе с тобой, чтобы исчезнуть в новом пространстве. Надеюсь, что так и произойдёт. Перемена места – это не всегда поиски счастья, а скорее побег от разочарования, от испуга чувств, что не могут смириться с надругательством над своей искренностью, – объяснила попутчица невозможность своего возвращения.

Адам промолчал, обдумывая сказанное, но в свете его перемещения по стране слова попутчицы звучали придуманными в другом мире – загадочном и не совсем реальном. Не верилось в драматизм душевного состояния попутчицы, вот так сразу возникшего рядом.

Он не ощущал героизма в обстановке купе мягкого вагона, движимого электровозом в должном направлении, и чтобы приблизить эти противоречия к ситуации в перемещающемся пространстве, спросил:

– У вас что-то случилось? Может быть, можно помочь?

– Скорее, свершилось. Долго ожидаемое, но очень неожиданное событие произошло. Разрыв перетянутой струны при взятии высокого аккорда. Непонятно? И не надо этого знать. Жизнь банальна. Была любовь, прошла любовь. И ничего не изменилось. Понимаете, ни-че-го. Всё так же и день, и ночь, и поезд идёт по рельсам. Обидно. Минула целая эпоха любви, а всё остаётся на своих местах. Дело вовсе не в нём и не во мне, а в обыденности происходящего. А вы желаете помочь? Чем? Устройте железнодорожную катастрофу, вздыбьте состав горой искорёженных вагонов, разрушите законный мир, уничтожьте город, который мы покидаем, и я буду знать, что мир помянул кончину моей любви. Мне станет радостно и спокойно, пусть даже в результате крушения поезда я погибну. Останутся события, венчающие трагедию моего счастья. Оно достойно таких страшных торжеств

Женщина тщательно выговаривала каждое слово, будто отделяя нужное повествование от всего накопившегося в её сознании мысленного бреда.

– Вы жестоки. Никто не виноват в ваших разочарованиях. Вселенская катастрофа – не выход из мучительных перемен в скорбном человеческом существовании, – Адам пытался истребить пылкое желание разрушений, возникшее у попутчицы.

– Нет, я не желаю никому зла. Просто хочется, чтобы мир передёрнуло от страха потери большой любви его маленькими обитателями. Если страдания от маленьких потерь останутся незамеченными, то исчезнет и само чувство прекрасного, от неучастия в нём в минуты смертельного ранения души. И вы, не пытаясь узнать, что со мной произошло, уже обвиняете меня в жестокосердии, – попутчица доказывала Адаму неравновесие их переживаний.

– Я пытался узнать, но вы не рассказали сам случай, а сразу приступили к масштабным попыткам увековечивания личной трагедии значительными событиями сокрушительной силы. Простите, я не угадал в этом вашем желании острой боли ваших личных страданий. Затмить такие чувства непросто, и многие выбирают мировую катастрофу, чтобы, погибнув, мир больше не напоминал о прошлом. Но в нашей памяти прошлого может исчезнуть и неизвестное будущее. А ведь скоро, может быть, это будет самое счастливое время, отгороженное от вас сейчас только длиною пути следования. Неизвестность – это лучшее пристанище, которое ожидает нас после побед и поражений на полях уже минувшего времени, – Адам не оправдывался, он предлагал найти выход из разногласий старой тревоги и новых ожиданий.

– Возможно, и я уже почти согласна с вами. Ваши слова дарят надежду на исцеление от моего недуга. Они вовремя, эти ваши обещания радостной неизвестности. Да, так и будет, что-то должно случиться, прежде чем будущее станет желаемым временем жизни. Желанием жить. У вас не найдётся чего-нибудь выпить? – жизнь требовала подтверждения своего существования.

– Да, конечно, – Адам по старой привычке того времени, когда в поездах стоял коромыслом дым и беседа за бутылкой была одним из составных начал времяпрепровождения на путях движения человеческих судеб в вагонах железнодорожных

составов, прихватил с собой пару емкостей чудодейственного напитка – коньяка и на закуску обжаренные женой части тушки курицы, названные нашим остроумным обывателем в честь американского президента ножками Буша.

Он быстро разложил своё угощение на столе, разломил на части лепёшку, налил в гранёные стограммовые стаканчики, сохранившиеся с той же эпохи весёлой союзной дружбы путешествующего люда, и хотел было предложить здравицу, но женщина быстро, не чокаясь, выпила коньяк и, прикрыв глаза, замерла с опорожнённой стопкой в руке. Адам тоже проглотил напиток вместе с не выговоренными словами и стал закусывать, ожидая оживления на лице попутчицы.

И вот открылись глаза, опущённые густыми, тёмными ресницами, дрогнули нитяные дуги нетронутых, но тонких смоляных бровей, вздрогнули и разомкнулись губы, грудь приподнялась от глубокого вздоха, подобие виноватой улыбки возшло на лицо, и женщина совсем спокойно уже заговорила:

– Помогло. Может, поезд уже отодвинул меня за границу территории моих переживаний, или это алкоголь вытесняет тоску из моего сердца? Знаете, в моей жизни даже случайные переживания так долги и серьёзны, что я часто путаюсь среди настоящих и пустых событий. У других всё просто – ушёл, пришёл, уехал, вернулся, а у меня каждая встреча – жизнь, расставание – смерть. Мне кажется, чужая жизнь – тайна, и ту самую её беду руками разведу, а вот для себя и земного шара не хватает, чтобы скрыться от несчастий. Наш личный эгоизм – моё лучшее, самое прекрасное, а моя беда что ни на есть самая горькая. Мы боимся посмотреть в лицо чужому горю, своё же лелеем и выставляем напоказ и мучаемся от чрезмерного груза выставленных на вид переживаний. Никто не поможет, а советы обозревателей смятения вашей души лишь усугубят её страдания. Свои беды, как и болезни, нужно пережить самому, и тогда станет понятна вселенская печаль всего человеческого рода, – глоток коньяка вдохновил женщину на восстановление справедливости. – Не слишком ли серьёзен наш разговор для первой встречи? – спросила она после короткой паузы.

– Думаете, может состояться и второе свидание? Если вы так считаете, то меня зовут Адам, – для него нашелся повод представиться.

– Первый человек, что встретился на неведомом пути, оказался Адамом. Жаль, что я не Ева, а всего лишь София, – пыталась шутить попутчица. – Давайте же, налейте, надобно выпить на брудершафт, с такими именами без поцелуев не обойтись.

– Что ж, и с мудростью тоже нечасто приходится встречаться, – намекнул Адам на перевод имени Софии.

После недолгой церемонии к близкому знакомству и чуть затянувшегося поцелуя (Адаму показалось, что женщина отважилась на большее, чем просто прикосновение губ) они вольготнее расположились на своих сидениях, но разговор не вязался, мешал торопливый сумбур мыслей, оставшийся от невыразимо скорой близости глаз, губ, запаха волос и ещё чего-то необыкновенного, что повисло тишиной, простукиваемой ходом вагонных колёс. Этот равномерный стук, казалось, выговаривал о скорости времени, которое существовало здесь отдельно, не касаясь человеческих слов и движений, оно продвигалось самостоятельно и должно было остановиться по прибытии к месту назначения, чтобы принять в себя движение людей и отправиться куда-то теперь уже вместе с ними.

– Мудрость, говорите. Где же ты видел женщину, ну хотя бы умную? Практичную, возможно, – София уже перешла на «ты». – Женские мысли проникают не далее протянутой руки. Что есть в руке, о том и забота. Как удержать? Потому и говорят, что муж отбилась от рук или прибилась к рукам. В этом и состоит наше маленькое счастье. И горе тоже там, в руке. Это мужчины мечтают покорить мир, а женщины – пленить этого покорителя. Вот и вся наша мудрость. Может быть, она мудрее всех других.

«Слава Богу, – подумал Адам, наливая алкоголь в стаканчики. – Симптомы маниакального стремления к разрушению не подтвердились».

Он поднялся с посудиною в руке:

– Мне понравились ваши слова о мудрости и счастье. Мужчинам некогда прислушиваться к этой женской искренности слов. А надо бы. Тогда, думаю, настали бы времена любви, меньше случалось горестных расставаний от непонимания сущности человеческой жизни. Простите, но мне кажется, что причина ссор, драк, войн происходит от нежелания слушать, узнать себя в другом, противника в себе. Мужчина-то рвётся к высоким вершинам только ради восхищения во взгляде любимой женщины, но часто надрывается на том пути, пропадает во времени, а женское счастливое ожидание сменяется утомлением. Для самого счастья нужно немного, но мы так много для себя хотим. Выпьем за встречу.

– Что ж, спасибо за добрые слова, – София прижмурилась от крепости выпитого коньяка. – Не думаю, что встречи двух людей бывают случайны. Хотя, говорят, мир тесен, но не до такой же степени, чтобы каждый повидался на своём веку с другим жителем планеты, а тот с третьим. Мы и не подозреваем о существовании многих людей, а они, в свою очередь, о нас. Каждая встреча – подарок судьбы, что не забыла о нас во время нашей отверженности в любви и добре. Вы случились на моём пути и утешили словом, и я поверила в существование будущего, и теперь не верится, что этого могло не произойти.

– Случилось то, чему суждено было произойти. Велик ли процент таких чудес – этот вопрос стоит с начала света, и за это время никто из философов на него ничего толкового не ответил. И сами мы случайны, а происходящее с нами и вовсе необычное явление. Недавно я жил безработным человеком, без даже малой надежды на лучшие будущие перемены. Но вот сейчас еду в командировку от очень крупной фирмы и не чувствую никакой боязни от такой неожиданности. Кто решил за меня мои проблемы? Сам бы я на такие изменения в своей жизни не решился. Но, может быть, в том и есть мудрость Божьего промысла, чтобы в нашей жизни всё случалось неожиданно, от рождения и до смерти, иначе люди отказались от многих событий из трусости или каких-то своих убеждений. Да и жизнь по расписанию – большая неволя и совсем неинтересна, – Адам глянул за окно, будто там находился ответ на все случайные события неслучайной судьбы. Но там уже стемнело, и он спросил Софию, не желает ли она отдохнуть.

– Нет, я совсем не устала, а вот переодеться было бы неплохо, – она потянула к себе саквояж.

Адам вышел из купе, захватив полотенце, умылся в гремящем и дергающемся на стыках рельс туалете, постоял у окна, за которым мелькали далёкие огоньки, и подумал, что уже завтра будет в новой столице, где мог бы никогда не побывать, если бы... не было поездов. Тут его позвали, и попутчица, уже одетая в спортивный костюм, предложила ему стакан сока на сон грядущий. Стол был убран, полки

застланы. Выпив напиток, Адам погасил свет, раздевшись, улёгся на постель и стал слушать мерный перестук вагонных колёс. Вначале это постукивание обратилось в повторяющиеся слова: «Еду я, еду я», – потом зазвучало песней, состоящей из одного куплета, и скоро убаюкало Адама своей необычной мелодией.

Проснулся он от прикосновений и жаркого шёпота, что неожиданно вмешались в заунывную песню колёс. Не сразу понял, что происходит, и ловил слова, выдыхаемые прямо в ухо: «Мне очень одиноко и страшно. Что-то нужно изменить чтобы снова стать счастливой. Отдалить прошлое, провалиться в настоящее и потом обрести будущее. Помогите мне изменить себя, забыть себя, простить всех. Я знаю, вы можете и поможете...» Слова эти горячим припевом прикладывались к песне колёс, она понеслась жгучей цыганской пляской, жар кинулся в голову, исчезло сознание пути, его назначение, всё, что занимало разум Адама. Он растворился в дороге, в ночи, в перестуке-переплясе вагонных колёс, пропал в страсти женской ласки, такой необычной – иступлённо-искупительной, грешной, злой, смелой, решившейся избыть в этом подвиге любви своё прошлое, забыться и встретить другое время в неизвестном месте и там жить в радости будущего счастья.

От этого ночного забытья он очнулся только утром. В вагоне, куда уже проникал дремотный свет наступающего утра, было тихо, ту же песню напевали катящиеся по путям колёса поезда, но чего-то не хватало в этой мерно стучащей тишине. Адам приподнялся и не обнаружил своей попутчицы. Постель убрана, и более никаких следов вечерней беседы и ночного безумия не осталось. Он встал, накинул одежду и выглянул в коридор, будто там хотел найти остатки какого-то неясного разочарования, но и там ждала пустота, и, захватив полотенце, Адам пошёл умываться, бриться, пока народ не проснулся и суета не заполонила вагон.

Он в задумчивом одиночестве пил чай, когда поезд, сбавив скорость, приткнулся к перрону столичного вокзала, пару раз дернулся своими суставами, распрявился и затих. Над городом стояло светлое осеннее утро, и Адам, поблагодарив проводника за благополучное прибытие, а может, и за необычное событие, случившееся с ним на территории вагона, направился было к зданию вокзала, но тут прямо перед собой увидел молодого человека, держащего перед собой лист бумаги, где крупными красными буквами была начертана знакомая фамилия. Не сразу понял, что ожидают его, Сынебожьева, но осознал – шеф предупредил долгие поиски адресов и кабинетов и облегчил задачу на начальной стадии командировки. Присланный за ним автомобиль быстро домчал его по широким улицам нового города в контору конструкторского бюро, где уже ожидали появления Адама. Приняли от него чертежи проекта, дискету с картинкой будущего моста, но сразу смотреть не стали, предложили устроиться в гостинице, отдохнуть с дороги, а завтра приступить к совместной работе. Адам согласился, после случившихся с ним в пути событий он чувствовал себя не готовым к серьёзному труду, хотелось привыкнуть к своему нахождению в незнакомом городе, определиться в статусе соучастника в разработке нового проекта, подготовить словесные аргументы на множество изменений, внесённых им в конструкцию моста.

Устроившись в гостинице, обследовав номер, он в первую очередь набрал полную ванну горячей воды и погрузился в её тепло, стараясь ни о чём не думать. Но такова особенность творческой природы – мысли передвигаются в голове всё время суток, не испрашивая разрешения хозяина мозгов, не вникая просьбам об

антракте среди действий театральных представлений, что происходят в черепной коробке лицедейством, спорами, диалогами и, что случается чаще, – монологами. Актёры и декорации меняются, но зритель один, он имеет право взойти на сцену, принять участие в спектакле, не соглашаться с решениями режиссера, но уйти из зала или выключить освещение, чтобы отдохнуть в тишине – не может. Тело его блаженствовало в горячей воде, а чувства вспоминали Софию, попутчицу по дороге в столицу. «Даже не спросил адреса, куда ехала? Она тоже хороша, ни до свидания, ни прощай. Пропуск в будущее получила и исчезла. Кто их разберёт, этих женщин? Говорит, говорит, а потом покажется, будто забыла всё высказанное сразу. Вправду, наверное, память девичья. Хотя чужие слова, особенно обещания мужчин, помнят прочно и надолго, а вот свои не запоминают или не хотят вспоминать. Женщине важнее помнить о себе, свою молодость, свой фасад беречь, не растрчивать попусту. Это их основной капитал. Недаром в ссорах с любимыми мужчины слышат один и тот же упрёк, дескать, я тебе всю молодость и красоту отдала, а ты, сволочь неблагодарная, всё забыл. И другому, и третьему, и прочим они будут говорить то же самое, будто каждому отдали свою невинную молодую жизнь. Поллюбят – весь мир для них светом счастья полон, измельчатся чувства, опостылеют ласки, недавно милые, – пусть весь белый свет прахом станет. Так и Софья, отомстить желала, но прижалась к теплу и ушла в будущее, не попросившись. А чего с ним, с актёром промежуточной роли, считаться? Жаль, что всё это случилось мимоходом, проездом, бесследно. Было, не было, и сказать ничего нельзя. Как в кино – полтора-два часа другой жизни, а свет загорится в зале, и всё по-прежнему остаётся. Вспомнить можно, а прочувствовать снова – нет. Адам уже покинул ванную и прилёг на кровать, завернувшись в широкое мохнатое полотенце. Одним словом, София-премудрая. Мудрость в том и состоит, чтобы вовремя смыться, а не обременять себя новыми обязанностями, едва освободившись от прошлой неволи.

В недолгом сне, приютившем его разум и расслабленное после купания тело, ему явилась София в костюме Евы, поманила за собой, и он, проплутав вслед ей между кустарниками и странными деревьями с округлой кроной и грушевидными плодами на ветвях, настиг свою беглянку у огромного зелёного камня, попытался обнять, но женщина исчезла, а на камне появилась начертанная белым надпись: «Жди здесь. Я вернусь».

Очнувшись, Адам внятно чертыхнулся, поднялся и решил пойти осмотреть новый город страны, суверенной и независимой неизвестно от чего. Оделся теплее, уже успел почувствовать холод пронизывающего ветра, гуляющего по улицам новой столицы. В центре ещё не совсем большого города его поразил размах строительства, но не как праздного зеваку, а как специалиста, могущего дать оценку качеству и красоте возводимых и уже законченных объектов: «Да, тут какой-то спор затеян – в громаде будущего исторического торжества сего города. Уж не с Петром ли Великим решили потягаться? Тот на болоте град поставил, и тут почва не лучше, – оглядывая котлованы и фундаменты, думал Сынебожьев. – Но как быть с Вечностью? Все линии конструкций зданий чисты, у них нет собственного лица. С современными штучками и современными изысками в историю не пустят. Просто не заметят. Отрицать прошлое можно, если знаешь что-то лучше того, что уже было. Стекло и бетон никогда не станут вдохновенной красотой. Жить можно, но любоваться люди желают искусством, а не высотой и блеском.

Отдохновения взгляда души не ищут в архитектуре американских нью-йорков, а едут в Суздаль, Мадрид, Барселону, Париж, Прагу, тот же Петербург, чтобы получить удовольствие от созерцания претворённого в жизнь вдохновенного замысла великих зодчих. Постмодернизм не смог и никогда не сможет доказать справедливость своего наглого посягательства на свежесть красок, лишь помогает его адептам в создании бесформенного хаоса нового мира. Другого Петербурга здесь не построят, блеска много, а восторг узнавания красоты отсутствует, увы. По команде равняйся, стройте – вечного не создать, – определил своё отношение к увиденному Сынебожьев и вошёл в кафе перекусить. И тут же за столиком у окна увидел Софию.

Она сидела лицом к входу и сразу увидела его, вздрогнула, обречённо вздохнула и, когда он подошёл, указала на кресло напротив, как само собой разумеющееся место присутствия Адама. Он присел, перевёл дух от неожиданности такой встречи и теперь не знал, чем занять пустоту, образовавшуюся между ними за прошедший промежуток времени, после необычного события, но выручил официант, подбежавший за заказом, и только тогда Адам, передав женщине меню, попросил: «Выберите, что вы будете кушать?». София выбрала пельмени, греческий салат и чай.

Сынебожьев согласился с её выбором и вкусом, лишь добавил, обращаясь к гарсону:

– Но, как говорил наш знаменитый современник, – пельмени без водки едят только собаки.

– Нет, нет. Мне чего-нибудь полегче, – протестующе замахала женщина руками.

– Тогда и того, и другого, – решил Адам и принялся разглядывать этот плохо помнящийся образ недавней пропажи.

– Как вам наш город? – ответила та на привлечённое внимание.

– Пустоты много, – неопределённо ответил Адам.

– Ничего себе пустота! – возмутилась собеседница. – Дома и дворцы до небес.

Вы что, этого не видите?

– Небоскрёбами бетонными пустоту не заполнишь. Только красота привлекательна в пространстве жизни, а любые нагромождения коробок, цилиндров и пирамид, как бы высоки ни были их крыши, останутся незаметны для глаза. Такова особенность архитектуры градостроительства. Точнее, зодчества. В построенном объекте обязательно должны присутствовать три компонента – польза, прочность и красота. В коробкообразных жилых массивах польза, несомненно, есть, надёжность будет испытана в процессе эксплуатации объекта, а вот красота или есть сразу, или не появится никогда, пусть даже все балконы увьются цветами. Так, камень, поросший зацветшим мхом. Центр города поражает роскошью построек, совершенно отличной от красоты. Пространство единовременного созерцания и современных изысков. Все эти кубы, квадраты, пирамиды и глобусы не что иное, как замешательство перед грандиозностью поставленной задачи, заигрывание с властью от неумения выразить её волю. Конечно, положительный резонанс, соответствующий вкусу обывателя и различного рода выскочек, а также хорошо накормленных гостей столицы будет вызван, но ненадолго, всё очень скоро станет привычно – серо и обыденно. Красота же – это каждодневное, ежечасное, ежеминутное удивление. Потому как в ней всегда находится нечто ранее не увиден-

ное, незамеченное, неохватное разумом человека величие Вечности, и редкие, сиюминутные встречи с нею предполагают возвращение к той чудесной загадке, что она таит в себе, и раскрытие этой чудесной тайны лежит в её многократном созерцании. В нашем примере достаточно беглого осмотра, чтобы понять бессодержательность эксперимента, но таков современный мир – все торопятся жить и насладиться отнюдь не красотой, а роскошью стола, а после пышного застолья в пределах мечтаний нуворишей обнаруживается золотой унитаз.

– Да вы изящный циник, Адам. Страна молодая и лишь пробует свои силы в строительстве и украшении городов, – пожелала оправдать стройку века София.

– Вкус к пониманию красоты или есть, или нет, а молодость не оправдание этому природному пропуску. Да и не во вкусах тут дело. Пример неубедителен. Если не существует собственной истории градостроения, а её и не может быть у кочевого народа, надобно учиться, но на примере высокой культуры зодчества. Хотите воссоздания искусства европейского классицизма на своих площадях и улицах – пожалуйста в Петербург, привлекают красоты азиатских городов – милости просим в Самарканд. Нельзя же принимать за счастливый образ жизни суету в каменно-стекольных кварталах Нью-Йорка. Там не найдено живого, неподдельного благородства мыслей и устремлений, лишь стремление к обогащению правит тамошним обществом. Всё сиюминутно – строения, улыбки, рукопожатия, объятия, встречи, прощания. Всё ненастоящее. Всех окрыляет мысль старая, как мир – вот разбогатею, тогда заживу красиво, но всё останется так же, как было до того, или ещё хуже. Возврата из объятий роскоши нет. Разбогатев ненароком, человек навсегда нищает духовно. И не только люди, но государство, взявшее за приоритет на пути к высоким идеалам прибавочную стоимость нефти и газа, деградирует в сторону золотого унитаза. Давайте-ка лучше кушать, – Адам примирительно улыбнулся.

– Да-да, после таких выводов может пропасть аппетит, – женщина ткнула вилкой в исходящий паром пельмень.

– За встречу, – поднял рюмку Адам.

– Уже пили, – припомнила София. – Но за сроком давности провозглашение тоста можно повторить.

После обеда, во время которого разговор больше не касался архитектуры, а больше относился к разделу кулинарии, они гуляли по улицам, украшенным рядами молодых деревьев, с листвой, уже тронутой золотом наступающей осени, и болтали о всякой всячине.

– А я вас во сне видел, – вспомнил Адам.

– Любопытно, что же я там могла делать в этом вашем сне?

– Убегали от меня, – ответил Адам.

– Он неверный, этот сон. Мне вовсе не хочется от вас бежать, – возразила очевидцу сновидения женщина. – Во снах всё наоборот. А ветер там холодный дул?

– Не помню, бывает ли во сне ветер, но понял вас и приглашаю к себе погреться, – Адам взмахнул рукой и поклонился.

– Куда это к вам, у вас есть дом в этом городе?

– В гостиницу, – уточнил Адам. – Я ведь командированный по службе.

– А я так и вовсе бездомная и отказываться просто не имею причин.

Время работы над проектом и прогулок с Софьей по новой столице пролетело как мгновение. Необходимо было возвращаться домой и приступать к началу строительства моста. «Миленький ты мой, возьми меня с собой...» – пропела Софья, узнав об отъезде Адама. «Там, в краю далёком, есть у меня жена», – подыграл её настроению милый, когда они прощались на перроне вокзала. И поезд, отстучав положенное количество стыков на рельсах, за одну ночь вернул строителя мостов к родному дому и к работе, теперь уже над воспроизведением замысла в материальную сущность постройки.

Времени до наступления холодов оставалось немного, и Адам теперь до самого позднего часа пропадал на работе. На возведение несущей части моста было задействовано достаточно сил, и он сумел управиться вовремя, чем снискал ещё большее доверие шефа, который тоже не оставлял без внимания строительство и при сложных операциях, где появлялась хотя бы малая доля риска, всегда присутствовал лично. Адам был благодарен ему за внимание и рад был слаженному труду опытных строителей и быстрому продвижению работ.

Жил Адам в городе – отсюда легче было добраться на стройку. Вольное дачное житьё на время забылось в заботах, очень и очень плодотворных. После первого посещения столицы он ещё два раза побывал в новом городе по необходимому, касающимся строительства моста, делам. Встречался с Софией. И вот в последний визит нашёл в её поведении некоторые перемены. Она не так легко согласилась на встречу, а остаться на ночь в гостинице отказалась категорически. Перед отъездом объяснила необычную холодность скорым замужеством. Хвалила будущего мужа, но как-то не очень убедительно, и когда рисовала в светлых красках свою жизнь за каменной стеной, то палитра этих полутонов отсвечивала сомнениями серых теней, струящихся из глаз невесты. А когда заканчивались слова неудачных похвал, она никла лицом, стараясь не смотреть Адаму в глаза. Пытаясь взбодрить её, он желал счастья в совместной жизни, немного ревнуя. Но как женатый мужчина, он справедливо полагал, что их отношения не навсегда и командировочными наскоками в столицу вечной любви не заслужишь. Последняя встреча была тягуче-тосклива, недосказанность присутствовала в каждой фразе. Уходя из номера гостиницы, София в очередной раз выслушала пожелания Адама стать совсем счастливой и, обернувшись от двери, печально улыбнулась и ответила: «Что ж, так было всегда. Любимые мужчины благословляют женщин на плен замужества, а сами уходят, уезжают на край света к жёнам, невестам, а то и просто к своей свободе. Прощай. Первый настоящий человек из мужчин, который встретился мне в жизни, был Адам. Плохо, что мы очень далеки от садов Эдема, и я не имею абсолютного права на своего Адама. Да я и не Ева. А мудрость, она склонна к неудачливости в простой сутолоке жизни», – она поцеловала Адама в лоб, видимо, навсегда прощаясь с любимым.

Адам не склонен был задумываться над случайными встречами и превращать эти радости или огорчения в судьбоносные решения своей жизни. Он ничего не хотел менять, тем более сейчас, когда закончилась пора унылых разочарований в себе, прошлом и настоящем, явилась реальная занятость творческой мысли, надобность энергии и смекалки опытного строителя в живом деле. Поэтому расставание с Софией прошло без плача по утрате вечных чувств. Да и никто в них не клялся. Иногда он вспоминал о том прошедшем времени с лёгкой нежностью, но без желания повторения. Наступала весна, проект становился реальностью.

обретал физические формы своего существования на Земле. Сдача объекта намечалась на первую половину мая, а на дворе бушевал неповторимыми красками весны апрель.

Жена Адама уехала за город обихаживать дачу, а он, не имея свободного времени, являлся домой только спать, не замечал пустоты комнат и своего присутствия в них, и очнулся от бега мыслей и трудового энтузиазма только когда увидел, что строительство моста закончено. Тогда он взялся дотошно выискивать недоделки – желал продлить волнительный процесс творчества. Но промахи и ляпы, допущенные в ходе строительства, оказались мелки и были быстро устранены. Скоро выяснилось, что осталось выкрасить конструкцию и можно запускать движение по новой переправе. Для большего зрительного эффекта и облегчения вида конструкции моста (парящего над водой чудо-замысла Сынебожьева) цвет окраски был выбран серебряным, в соответствии со сновидениями. Широкая улыбка осветила лицо шефа, когда они вместе с Адамом на восходе солнца прибыли к месту завершённого строительства. В нежных лучах солнечного восхода мост казался сказочной серебряной паутиной, сотканной для недолгого любования этой благородной красой в свете рождения нового дня. Изумление этой солнечно-лучезарной красотой, созданной руками строителей, было столь искренним, что люди, вышедшие из машины, замерли на некоторое время, любуясь увиденным изображением зависшего над поймой реки моста, будто ещё находящегося в движении полёта и примеряющего свои параметры для посадки на той и другой стороне реки, чтобы стать средством их будущего объединения. «Порадовал, порадовал, – повторял начальник, приобняв Адама за плечи. – Тянуть время не будем. Завтра же и откроем. Адам, ты заслужил праздник, и он состоится, с гостями и подарками». Доверительное «ты», впервые прозвучавшее в словах шефа, обращённых к Сынебожьеву, стало, пожалуй, лучшей похвалой завершённой работе.

День только начался и сразу же стал если не праздничным, то выходным, и Адам попросил отвезти его на дачу. Жена была рада встрече, угостила хорошим завтраком, и Адам целый день занимался простым крестьянским трудом – копал землю, чистил сад от прошлогодних листьев, травы и другого мусора, а после позднего обеда отдыхал и под вечер засобиравшись в город. Жена не хотела отпускать его, уговаривала остаться, но Адам убедил женщину в надобности своего раннего появления на празднике и необходимости ещё раз просмотреть некоторые документы на сдачу объекта. Необычное волнение супруги, умоляющей его вернуться домой уже с автобусной остановки, он отнёс за счёт своего долгого отсутствия, невыносимости женского одиночества и, утешив жену нежными словами, отбыл в город.

На подходе к городской квартире он вдруг резко повернул назад с решением ещё раз осмотреть законченный объект. Зачем? Адам не понимал своего решения, но некая могучая сила властно влекла его на мост. Что можно искать на мосту, готовому приняться исполнять свою работу? Там никого и нет, рабочие отдыхают, чтобы завтра прийти на праздник, выслушать похвалы, получить премии. Просто очень захотелось взглянуть на ещё пустующую дорогу, запомнить и самому, первому из всех людей, пройти по чистому, только накатанному асфальту нового моста. И всего-то малое самоуправство человеческого каприза, но упрямое в желании скорейшего исполнения.

С дрожью создаваемого восторга, будто на берег неизведанной земли, незнакомой, но прекрасной невиданными красотами неизвестного пространства, что раскинулось перед первопроходцем, Адам входил на мост. Никто его не остановил, будка сторожа пустовала. «Ушёл ужинать, наверное», – простил охраннику халатное отношение к службе прораб и двинулся к середине моста. Мост задуман и выстроен был так, что, только добравшись до его середины, человек мог видеть другую сторону берега реки. Путь к центру моста шёл в гору, вырастал а после возвышения над водной стихией спускался к противоположному берегу и удалялся дорогами, тропами к делам, встречам, событиям. Солнце садилось, и перила моста и великаны, созданные воображением Адама и хитросплетениями металла, что передавали переправу из рук в руки, блистали червонным золотом, пламенем отражались в тёмной воде реки. Такие необычные видения порождают чувство причастности к красоте природного явления, отобразившего свои гениальные краски на творении человеческих рук, даже у людей, просто созерцающих произведённое на Божий свет творение, но у человека, принимавшего деятельное участие в рождении оногo великолепия, чувство восторга смешивалось с понятным желанием художника проникнуть в гениальные помыслы Творца, умеющего добавить в любое ускользящее из жизни мгновение времени свою палитру красок, чтобы созданию стать незабываемо-непохожим в разные времена года и часы дня во взгляде горожан и туристов, желающих любоваться переменчивой прелестью предмета своего восхищения. Так и шёл Адам Сынебожьев, удаляясь от солнечного заката в сторону будущего восхода, в свете которого и родится новый день, и оживёт мост под ногами и колёсами пешеходов и машин. Фантазии его, возникшие от необычного освещения и одинокого восторга этому явлению, закончились на середине пути, когда он, опершись на перила, заглянул в тёмную пропасть, где слышен был лёгкий шум воды. Но через этот шум послышались громкие человеческие голоса, и он, повернув голову в направлении звуков, поодаль от места своей остановки увидел силуэты людей, плохо различимые в вечернем сумраке.

Адам, как-то сразу, не договариваясь с собой, пошёл к той стороне, откуда слышался разговор, виднелись человеческие фигуры и светились огоньки раскуренных сигарет. Подойдя ближе, он увидел четверых молодых парней, что вольно расположились на проезжей части, на ещё тёплом после жаркого дня асфальте. На застланной здесь же газете стояли и лежали бутылки, закуска, в стороне от «стола» горела приклеенная к дороге свеча. Что хотел увидеть или узнать здесь строитель этого моста Адам Сынебожьев?

Он только сказал:

– Парни, мост ещё не работает.

Те повернули в его сторону лица, удивлённые его появлением:

– И пусть не работает. Так даже лучше. Спокойнее, и без тебя тоже. Вали, дядя, по-тихому. Хочешь выпить – пей, но не задерживайся, у нас свои дела.

– Это мой мост, я его построил, – взорвался Адам. – А вы уходите, не время здесь находиться.

– Посмотрите на него, – ответил тот же голос. – И мост у него свой, твою... – выругался говоривший. – Выпить спокойно не дают, буржуи. Всё у них своё. А у нас ничего, но воля наша. Вали отсюда. Мост сегодня наш. Арендуем на ночь. Цену обозначь, – парни захохотали.

– Нет, так нельзя, – стоял на своём Адам и продолжал говорить смешные слова. – Вы тут намусорите, а завтра презентация объекта, начальство будет недовольно. Сторож скоро придёт, ругаться будет.

Смех прекратился, и парни стали подниматься на ноги. Адаму показалось, что его слова возымели нужное действие, и он продолжил увещевание.

– Вот и хорошо, что уходите. Вы уж тут приберите, отдохнуть можно на берегу, а завтра приходите на праздник – открытие моста.

Он ещё что-то говорил, но его перебили уже в грубой форме:

– Ты что, не понял? У нас сегодня праздник, сейчас. А ты нам его портишь.

Говоривший взмахнул рукой, у Адама сверкнуло в глазах, и он отлетел к дорожным перилам. Хотел подняться, но тяжелый удар в бок подбросил его тело, и он растянулся на асфальте. Удары посыпались со всех сторон, он закрыл голову руками, но скоро ослаб, тело налилось жестокой болью, вздрагивало от пинков, и хотелось кричать, но свой голос Адам слышал только изнутри: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...». Сознание не покидало его голову, и каждый удар отзывался в ней гулкой болью и звучали слова великой молитвы: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя...». Но вот избиение прекратилось, изверги, шумно отдуваясь от возбуждения и усталости, закурили.

– Чё с ним делать будем? Может в реку, и концы в воду? – хихикнул кто-то противным голосом.

– Выпьем, давайте, потом решим, торопиться некуда, – определил судьбу Адама другой голос.

– Хорошее решение, – подтвердил третий. – Пусть малость отдохнёт на своём мосту.

Потом наступила тишина, будто весь мир погрузился в сон, и только тревожные мысли не давали Адаму присоединиться к всеобщему покою: «Как же это так, что же теперь будет? Надо домой добраться». Он пошевелился и сразу же громко застонал от жгучей боли, пронзившей тело. «Живой», – услышал он где-то рядом, и опять сомкнулась тишина.

Некоторое время только тревожный шум воды нарушал ночное безмолвие, но вот где-то неподалёку зашевелились, затопали люди, послышались пьяные голоса. Над ним склонились, дохнуло перегаром и ещё чем-то опасным для беспомощного человека.

В глаза ударил пучок света – зажгли фонарик, и Адам услышал приговор:

– Ну чё, понесли. За борт его.

– Может, не надо? Пусть живет, – сострадал приговорённому другой голос.

– Надо. У нас и без него срока лет на сто, а за него ещё добавят.

И Адама поволокли, ухватив за ноги. За ноги же стали тянуть вверх, на перила моста, и уже перевалили, и тело оказалось за бортом, над рекой, но руками он ухватился за металл и повис на предплечьях, завернув руки на внутреннюю часть ограждения, шепча спасительную молитву из своего детства: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...». За эту неожиданную дерзость били по голове и рукам, пытаясь разорвать спасительную хватку его ладоней, но то ли алкоголь лишил извергов сил, а, может быть, чьё-то незримое заступничество не позволяло сбросить Адама вниз. Руки будто бы срослись с холодным железом перил моста, прикипели к нему, пристыли, и никакие человеческие усилия не способны были разжать его ладони.

Парни устали, дышали тяжело:

– Чёрт с ним, пусть так висит, – сказал кто-то, наверное, главный. – Надо привязать чем-нибудь, чтобы до утра не ушёл, а то праздник пропустит. Посмотри там, где сидели. Я там проволоку видел, – распорядился тот же голос.

Послышались шаги, потом кто-то прилежно, сопя и подкашливая, прикручивал его руки к перилам моста. Чувствовалось, что нелюди тоже устали от алкоголя, от возни с ним – больше не били – привязали и ушли. «Так, наверное, происходит искупление грехов человеческих – страданиями живых...», – слабел Адам телом на своих путях.

И повис Адам Сынебожьев, распятый на перилах своего моста, построенного им для блага людей, их объединения на путях жизни, непонятый теми же людьми, какой-то не лучшей частью человеческого общества, презирующей величие человеческой души.

Он очень боялся упасть вниз, пропасть в холодной тьме речного каньона, не дождавшись утренних лучей солнца. Но очень скоро, как ему показалось, он начал терять сознание – на секунду, на минуту, потом приходил в себя, творил молитву и снова пропадал в необъятном пространстве, где тишина и покой окутывали его разум.

И открылся глазам Адама мост, сотканный из лучей золотого горного света, с перилами из всех цветов радуги, соединивший землю и небо, и пошёл по этой переправе Сынебожьев из своего земного изгнания, за грехи матери своей, в места отчего дома – Небеса и уже от середины моста побежал, побежал мальчик с именем Адам навстречу объятиям Отца, с одним желанием – скорее достичь родного пространства.

Николай Петрович Зайцев родился 3 декабря 1950 года в г. Талгаре Алматинской области. Работал в топографической экспедиции, закройщиком, радиомехаником, мастером по изготовлению очковой оптики.

Стихи, рассказы, повести и статьи публиковались в журналах «Простор», «Нива», альманахе «Литературная Алма-Ата», в российских и зарубежных изданиях: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Голос эпохи», альманахе «ЛитЭра», «Автограф», «Север», «Венский литератор».

Автор поэтических сборников «Талгар», «Вершины Талгара», «Грешен...», «Во Имя Твое», книги повестей и рассказов «Через Прочее», книги прозы «Цветы для Мари».

Руководитель творческого объединения «Вершины Талгара». Лауреат и победитель целого ряда республиканских и международных фестивалей и конкурсов. Лауреат премии им. В. Белова (2009) и премии им. В. Шукина (2013). Член Союзов писателей Казахстана и России.

